

Влад Генделев

ЗВЕЗДА
НАД ЧУЖОЙ
ВОЙНОЙ

Влад Генделев

ЗВЕЗДА НАД ЧУЖОЙ ВОЙНОЙ

«Автор»

2026

Генделев В.

**ЗВЕЗДА НАД ЧУЖОЙ ВОЙНОЙ / В. Генделев — «Автор»,
2026**

Артём Векшин прилетает на Рубеж ради брата, которого давно числят погибшим. Он хочет найти его и увезти с планеты, разорённой чужой войной. Но след брата приводит к убежищам, где сотни людей ждут спасения. Высоко в небе вспыхивают двигатели «Ориона». Для беженцев этот огонь становится звездой надежды. Для тех, кто привык распоряжаться чужими жизнями, — угрозой. А среди руин появляется бледный незнакомец. И там, где нет воды, всё отчётливее слышен прибой.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛАЯ НАШИВКА	26
Глава II. Группа крови	47
Глава III. Движущийся огонь	72
Глава IV. Учебный центр	96
Глава V. Поселение шесть	119
Глава VI. Неповиновение	147
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ	180
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Влад Генделев

ЗВЕЗДА НАД ЧУЖОЙ ВОЙНОЙ

ПРОЛОГ

На открытом месте

Человек стоял посреди посадочной полосы, и Кирилл никак не мог понять, почему на нём не горит одежда.

Огонь уже добрался до разлитого топлива. Он стелился по бетону низко, почти без дыма, с голубыми прожилками у самой земли, и время от времени вздрагивал от ветра. Сквозь нагретый воздух дальние сооружения изгибались, словно их отражение лежало на воде. За фигурой в светлом виднелась диспетчерская башня с выломанными окнами. Выше медленно расходились две чёрные полосы — следы двигателей, которые ещё несколько минут назад удерживали посадочный модуль в небе.

Кирилл лежал на боку возле опрокинутой медицинской тележки. Под щекой хрустело стекло. Собственное дыхание звучало так громко, будто кто-то прижимал ему к ушам ладони.

Он попытался подняться и увидел свою руку.

На рукаве, от локтя до запястья, темнела чужая кровь. Белая нашивка с обозначением группы крови уцелела; по краю ткани медленно расплзлось обугленное пятно.

Кирилл прижал рукав к бетону, сбивая огонь.

Только тогда до него дошло: человек на полосе не двигался.

Не отступал от пламени. Не пригибался. Даже не поднимал руку, чтобы защитить лицо.

— Эй! — крикнул Кирилл. — Помогите здесь! У нас раненые!

Незнакомец стоял достаточно близко, чтобы услышать.

Высокий, прямой, в длинной светлой одежде, неуместной среди металла, дыма и грязного снега у края полосы. Кирилл не различал лица. Казалось, ещё немного — и воздух перестанет дрожать, черты проступят, можно будет понять, смотрит этот человек на него или куда-то мимо.

Но воздух не успокаивался.

Сзади раздался стон.

Кирилл обернулся.

Инга пыталась вытащить из-под тележки ногу. Разбитая оправа очков висела у неё на одном ухе. Под волосами, возле виска, набухла кровь.

— Не тяни, — сказал он, подползая. — Сейчас приподниму. Сначала скажи, пальцами шевелить можешь?

Она посмотрела на него так, будто вопрос прозвучал на чужом языке, потом кивнула.

Кирилл упёрся плечом в край тележки. Та сдвинулась не сразу: одно колесо заклинило в выбоине. Он почувствовал, как по спине под курткой течёт пот, и толкнул ещё раз.

Инга освободила ногу.

— На меня смотри, — попросил он. — Голова кружится? Тошнит?

— Пока только очень хочется отсюда уйти.

Голос у неё дрожал, но глаза следили за ним осмысленно.

— Отлично. С этим я согласен.

За их спинами что-то хлопнуло. Из разорванного борта модуля вылетела панель и, вращаясь, ударилась о бетон. Огонь на мгновение пригнулся, потом поднялся выше.

Кирилл помог Инге сесть.

Когда он снова посмотрел на полосу, светлая фигура оставалась на прежнем месте.

Теперь между ними лежал упавший обтекатель двигателя.

Кирилл не мог вспомнить, видел ли его там раньше.

Ещё недавно всё было иначе.

В пассажирском отсеке пахло подогретой едой, пластиком и мокрой шерстью: Савин зачем-то вытащил из багажа старый свитер и уверял, что на холодных планетах никакая синтетика не заменяет нормальную вещь. За иллюминатором лежал Рубеж — огромный, белёсый по краям, с тёмной дугой внутреннего моря.

Кирилл тогда подумал, что планета похожа на человека, которого разбудили слишком рано.

Северное полушарие ещё оставалось в ночи. Два пятнышка света висели над горизонтом — луны, одна серо-белая, другая с тусклой медной кромкой. Между ними двигался огонёк орбитального сооружения. Он шёл ровно, без мерцания, пока не исчез в тени.

Ни фронта, ни разрушений с этой высоты видно не было.

Облака медленно вытягивались над морем, прикрывали берега, собирались у гор. В низком свете белой звезды снег казался голубым.

— Красиво, — сказала Инга.

Она сидела напротив, придерживая коленями закрытый контейнер с препаратами, хотя крепления проверили уже дважды.

— Посмотрим снизу, — ответил Кирилл.

Ему хотелось сказать что-нибудь ещё — о том, что войны сверху не видно, о людях под облаками, о странном равнодушии расстояния, — но всё это показалось слишком готовым, словно прочитанным прежде в чужой книге.

Он просто смотрел.

Посадочный модуль мягко завибрировал. В кабине пилота прошёл короткий обмен фразами, затем Белов включил общий канал.

— Входим в нижние слои. На западной площадке боковой ветер выше допуска, идём на резервную. Она значится в согласованном маршруте, разрешение принято.

Савин поднял голову.

— Там нас встретят?

— По заявке должны. Но сначала давайте сядем.

Кирилл проверил застёжку ремня и машинально коснулся нагрудного кармана. Там лежал маленький плоский передатчик с сообщениями, которые он не успел отправить с орбитального транспорта.

Одно было для Артёма.

Несколько строчек о перелёте, о соседях по каюте и о том, что старший брат зря считает его совершенно непригодным к полевой работе.

В конце Кирилл написал: «Вернусь — съездим к морю. Только на этот раз без твоих спасательных учений».

Он так и не решил, оставлять ли последнюю фразу.

На Земле Артём учил его вытаскивать из воды тяжёлый манекен, и после третьей попытки Кирилл лежал на песке, злясь на брата и небо, а Артём сидел рядом и с невинным видом ел персик.

Теперь воспоминание было таким ярким, что Кирилл почти почувствовал липкий сок на пальцах.

Потом модуль резко накренился.

Инга поймала контейнер, хотя тот был закреплён.

Из кабины донеслось:

— Повторяю гражданский код. Медицинская экспедиция, согласованный заход...

Второго голоса Кирилл не расслышал.

Белая звезда ушла из иллюминатора. Вместо неё возникла тёмная земля, слишком близкая, с прямыми полосами старых дорог.

— Всем затянуть ремни! — сказал Белов.

Белов говорил ровно. Кирилл торопливо потянул ремень.

Снаружи мелькнула короткая вспышка.

Удар пришёл снизу.

Кирилл не столько услышал его, сколько почувствовал зубами. Пол под ногами вздрогнул. Вентиляция выдохнула горячим воздухом, осветительные полосы погасли, а потом загорелись снова — уже красные.

Кто-то спросил, что случилось.

Белов не ответил.

Он говорил в другой канал, быстро, отчётливо:

— Повреждение правого контура. Повторяю, борт гражданский. У нас действующее разрешение на резервную площадку...

Теперь за иллюминатором была посадочная полоса.

Длинная, с занесёнными снегом краями, с брошенными тягачами у грузового здания. У одной машины не хватало кабины. Поперёк боковой рулёжной дорожки лежало что-то чёрное.

— Головы вниз, — приказал Белов.

Первое касание оказалось почти мягким.

Кирилл даже успел подумать, что всё обошлось.

Затем правая опора подломилась.

Модуль развернуло. Ремень ударил поперёк груди, лицо Инги исчезло за белой россыпью вылетевшего наполнителя, и всё вокруг превратилось в длинный металлический грохот.

Когда движение прекратилось, Кирилл несколько секунд продолжал ждать следующего удара.

Но слышал только сиплый сигнал и чей-то плач.

Он отстегнулся.

Пальцы не сразу попали в замок, а когда попали, его повело вперёд. Он опёрся о кресло, увидел под ногами разбитый контейнер и рассыпанные по полу пакеты перевязочного материала.

— Кто может двигаться, оставайтесь на местах, пока не скажу, — произнёс он.

Ему показалось, что говорит кто-то другой: спокойный человек, который знает, что делать.

В кабине Белов сидел, повернув голову к боковому стеклу.

Кирилл добрался до него через перекошенный проход, коснулся шеи, посмотрел на грудь и сразу понял, что помочь уже нельзя.

Рядом мигал индикатор связи.

Из динамика с равными промежутками звучала запись:

— Покиньте запретный сектор. Дальнейшее движение будет расценено как нарушение.

Кирилл нажал передачу.

— Гражданский медицинский модуль совершил аварийную посадку. У нас раненые. Назовите безопасный выход с полосы.

Запись повторилась с начала.

Он переключил канал, потом ещё один. На общем аварийном кто-то попытался ответить, но голос распался на отдельные хрипящие звуки.

— Мы на резервной площадке, — сказал Кирилл. — Южнее диспетчерской башни. Нам нужна помощь.

Из-за спины донёсся голос Инги:

— Кирилл, здесь дым.

Она уже стояла в проходе. Без очков казалась гораздо моложе.

Кирилл оставил передатчик включённым.

Они открыли аварийный выход вручную. Наружный воздух ударил в лицо холодом, сухим и резким. Под люком лежал бетон с длинной свежей бороздой. Чуть дальше начинался грязный снег.

Первые минуты после этого Кирилл запомнил обрывками.

Мужчина, который всё время пытался вернуться за сумкой.

Инга, разрезающая рукав раненому.

Чужая рука, цепляющаяся за воротник.

Савин, белый как мел, говорящий, что нога, кажется, «немножко пострадала».

Потом внутри затрещало, и времени на слова больше не осталось.

Они вытащили Савина на медицинской тележке. Та подпрыгнула на обломке, опрокинулась, и Кирилл ударился головой о бетон.

А когда поднял глаза, увидел человека в светлом.

Теперь он снова был возле тележки, а огонь подбирался к борту.

— Подниматься можешь? — спросил он Ингу.

Она осторожно встала, держась за его плечо.

— Идти могу. Бежать лучше не предлагай.

— Тогда помоги мне с Савиным.

Савин лежал метрах в трёх, там, куда они успели оттащить его после падения. Обеими руками он прижимал к бедру скомканную ткань.

Кирилл опустился рядом, раздвинул пальцы раненого. Кровь уже пропитала подкладку брюк.

Он открыл аптечку.

Руки перестали дрожать почти сразу. Осталось знакомое пространство: повреждение, дыхание, кровотечение, последовательность действий. Всё остальное — горящий корабль, чужая планета, человек среди пламени — отступило, хотя никуда не исчезло.

— Со мной побудьте, — сказал он Савину. — Я понимаю, что больно. Сейчас сделаю то, после чего станет ещё неприятнее, но это нужно.

Савин кивнул, не разжимая зубов.

Кирилл закрепил повязку, проверил её, ввёл обезболивающее и посмотрел на Ингу.

Та уже держала раскрытое спасательное полотно.

Они переложили Савина. Рядом подошёл Дронов, техник экспедиции: лицо в саже, одна бровь слиплась от крови.

— К башне? — спросил он.

— До ближайшего укрытия. Потом посмотрим.

— Там двери заколочены. Я видел с захода. Справа склад, у него хотя бы стена целая.

Кирилл огляделся.

Склад стоял дальше, за выгоревшей рулѐжной дорожкой. Несколько уцелевших окон смотрели на полосу тѐмными прямоугольниками.

Возле модуля собирались люди. Кто-то кашлял, кто-то сидел, опустив голову. Женщина с короткими волосами растирала ладонями лицо и всё повторяла, что нужно пересчитать всех.

Над диспетчерской башней прошѐл слабый металлический звук.

Он был похож на скрип очень большой петли.

Дронов поднял глаза.

На крыше башни поворачивалось что-то низкое, угловатое, почти сливавшееся с бетоном.

Кирилл увидел две тонкие опоры, боковой кожух, тѐмное отверстие под ним.

— На землю! — крикнул Дронов.

Кирилл упал на Савина.

Очередь прошла по полосе.

Бетон возле руки брызнул острыми крошками. В одном из окон модуля вспыхнуло белое, затем над ними пролетела длинная оторванная полоса обшивки.

Кирилл чувствовал, как Савин судорожно пытается вдохнуть под его весом.

Стрельба прекратилась.

Он приподнял голову.

Дронов лежал у спасательного полотна. Одна рука была протянута вперѐд, будто он всё ещё собирался ухватиться за край.

Кирилл подполз к нему.

Сначала коснулся плеча. Потом перевернул.

Увидел грудь, шею, неподвижные глаза.

Несколько мгновений он смотрел слишком пристально, словно вниманием можно было изменить очевидное.

Инга позвала его.

Кирилл поднял голову.

Она лежала за колесом тележки и держала Савина за запястье.

— Здесь он нужен тебе больше, — сказала она.

Её голос прозвучал негромко, но Кирилл слышал.

Он отступил от Дронова.

На другой стороне полосы оставался человек в светлом.

Пыль от попаданий ещё не осела. Вокруг фигуры лежали свежие выбоины.

Кирилл не видел, чтобы незнакомец падал или хотя бы наклонялся.

На мгновение ему показалось, что расстояние между ними уменьшилось. Но ориентиры были прежними: диспетчерская башня, обтекатель двигателя, тёмная поперечная трещина в бетоне.

Просто фигура стала видна отчётливее.

— Ложись! — крикнул Кирилл. — Ты слышишь меня? Там установка на крыше!

Ответа не было.

Инга потянула его за куртку.

— Не поднимайся. Она снова поворачивается.

Над башней действительно двигался кожух.

Кирилл прижался к земле.

Из горящего модуля вырвался глухой удар. Пламя поднялось до обломанного крыла и осветило снег у края полосы рыжим светом.

Позже он не мог бы сказать, сколько они так пролежали.

Время потеряло привычные части. Между двумя поворотами установки помещалось всё: осмотр раненого, попытка перетащить полотно, чужой крик, порыв ветра, длинная мысль о том, что Артём никогда не узнает, где это произошло.

Потом среди треска огня появился другой звук.

Низкий, натужный, с неровным металлическим дребезжанием.

Из-за грузового здания выползал гусеничный тягач.

Кабина была закрыта сеткой и наклонными листами металла. На крыше качалась короткая антенна. Машина двигалась по узкой полосе старой разметки, огибая провал у края рулёжной дорожки.

За ней тянулся прицеп с высоким бортом.

Тягач остановился так, чтобы корпус закрыл от башни лежавших людей.

На наружном динамике что-то щёлкнуло.

— Сами ко мне не бегите. По одному, с этой стороны. И держитесь вплотную к борту.

Дверца открылась.

Мужчина в тёмной куртке спустился на землю, не выпрямляясь. Нижнюю половину лица закрывал шарф, на голове была потёртая шапка с оторванным краем.

Он быстро посмотрел на модуль, на тележку, на Дронова.

— Кто врач?

— Я. И она.

Кирилл показал на Ингу.

— Кто не ходит?

— Савин. Ещё женщине плохо с дыханием. Остальные...

— Остальных сейчас заберём. Поможете грузить.

Мужчина не спрашивал, что произошло, и не оглядывался на автоматическую установку. От этого его присутствие казалось почти невероятным: человек вошёл в их бедствие так, будто пришёл чинить привычную поломку.

Кирилл ухватился за край полотна.

Они подняли Савина в прицеп. Там уже лежали старые маты и два свёрнутых одеяла.

Тягач закрывал башню не полностью. Над кабиной снова послышался короткий скрип.

Мужчина замер, подняв ладонь.

Кирилл стоял, согнувшись, придерживая Савину голову. Под сапогами тонко звенело стекло.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом очередь ударила в борт.

Металл загрохотал так, что Кирилл невольно втянул голову в плечи.

Мужчина ругнулся, но руки не опустил.

Когда стрельба стихла, он быстро сказал:

— Дальше. Пока ей снова не хватило ума посмотреть ниже.

Они забрали женщину с затруднённым дыханием, помогли подняться остальным.

Кирилл вернулся за медицинской сумкой. Она лежала возле опрокинутой тележки.

Взяв её, он снова увидел незнакомца.

Фигура оставалась на открытом месте.

Светлая одежда казалась почти чистой.

Кирилл почувствовал не страх, а злость — внезапную, совершенно неуместную. Им нужен был ещё один человек. Ещё две руки. Кто-то, кто помог бы поднять Дронова, хотя поднимать его уже не имело смысла, или просто лёг бы, когда ему кричат.

— Там человек! — сказал он, вернувшись к тягачу. — На полосе, дальше обломка.

Мужчина посмотрел вверх борта.

— Вижу дым. Где именно?

Кирилл показал.

Ветер поднял песок и закрутил его перед диспетчерской башней.

На несколько секунд дальний край полосы исчез.

— Я не могу туда идти, — сказал мужчина. — И вам не советую. Сейчас садитесь.

— Он стоит под огнём.

— Здесь всё под огнём. Если он может ходить, пусть уходит сам.

Кирилл хотел возразить, но увидел лицо Инги.

Она сидела возле Савина и обеими руками удерживала сползающий с него край одеяла. Между её пальцами была кровь. Совсем молодая женщина с разбитой оправой в кармане, которая ждала, когда он наконец вернётся к живым.

Кирилл забрался в прицеп.

Тягач тронулся.

Через щель между листами металла была видна полоса. Дым расползлся низко, огонь уже закрыл нижнюю часть модуля.

Светлая фигура исчезла.

Кирилл не понял, ушла она или просто скрылась за пылью.

Машина свернула за склад.

Грохот выстрелов стал глуше.

Он опустился рядом с Савиным, проверил повязку. Та держалась. Пальцы раненого ощупывали край мата.

— Там все? — спросил Савин.

Кирилл посмотрел на него.

— Сейчас вам лучше не разговаривать.

— Я видел Дронова. Не нужно мне говорить, чтобы я не разговаривал.

Кирилл поправил одеяло.

— Он погиб.

Савин закрыл глаза.

Прицеп грохотал на стыках старого покрытия. Савин лежал с закрытыми глазами.

Тягач шёл медленно. За бортом проплывали стены с выцветшими буквами, занесённые песком ступени, разбитые фонари. Между зданиями мелькнуло дерево — чёрный ствол, низкая крона, листья с бледной изнанкой.

Кирилл почему-то запомнил именно его.

Не огонь и не башню.

Дерево, выросшее у водостока и спокойно пережившее все годы, за которые люди успели разрушить всё вокруг.

Дорога пошла под уклон.

Над головой стало темнее: они въехали под бетонное перекрытие.

Тягач остановился перед воротами.

Мужчина выбрался из кабины, подошёл к маленькому щитку, постучал по нему костяшками. Где-то внутри загудел привод.

Створки разошлись не до конца. Одну пришлось толкать вручную.

За воротами пахло железом, старой пылью и холодной резиной.

— Приехали, — сказал мужчина. — Здесь можно встать. Только за жёлтую линию не заходите, справа нет пола.

Кирилл первым спустился на землю.

Свет давала цепочка небольших ламп, закреплённых вдоль стены. Несколько не работали; под оставшимися стояли ящики, рулоны кабеля, бочки с непонятными обозначениями.

Из склада давно вынесли всё ценное. Оставшееся приспособили для жизни.

Мужчина закрыл ворота.

Снаружи ударило ещё раз. Звук прошёл через бетон тяжёлым коротким толчком.

— До нас не достанет, — сказал он. — Если не начнут специально.

Кирилл помог перенести Савина на широкий верстак, застеленный одеялом.

Только теперь смог рассмотреть спасшего их человека.

Лет пятидесяти, может, больше. Лицо узкое, обветренное. Под левым глазом светлый шрам. Два пальца на правой руке плохо сгибались, и потому воротник он поправлял всей ладонью.

— Марек, — представился мужчина. — Здесь можно называть просто по имени.

— Кирилл. Спасибо вам.

Марек посмотрел на кровь у него на рукаве.

— Вы пока с ним разберитесь. Благодарности потом.

Он принёс воду в металлической канистре, поставил переносной обогреватель и ушёл к воротам, оставив их в глубине помещения.

Кирилл работал.

Проверял дыхание, перебирал уцелевшие препараты, освобождал раненых от мокрой одежды. Инга помогала, хотя нога у неё заметно распухла.

Женщина с короткими волосами оказалась фельдшером из санитарной части экспедиции. Она уже перестала растирать лицо и теперь делала всё, что просили, быстро и молча.

Люди расселись вдоль стены.

Один мужчина держал на коленях пустую лямку от сумки. Пальцы двигались по ней туда и обратно. Другая женщина никак не могла расстегнуть куртку, и Инга опустилась перед ней на колени, помогла, затем осторожно вытащила из-под воротника зажатую цепочку.

В такие минуты особенно остро чувствовалось, насколько непрочны всё, что человек считает своим.

Ещё утром у них были назначения, багаж, планы на вечер, раздражение из-за тесных кресел.

Теперь уцелевшая застёжка могла оказаться важнее всех этих планов.

Савин уснул под действием лекарства.

Кирилл выпрямился и только тогда понял, что у него болит шея.

Возле стены сидел молодой лаборант, имени которого он пока не мог вспомнить. Совсем недавно тот показывал кому-то фотографии собаки, оставшейся дома.

Теперь он смотрел в пол.

— Наш корабль ещё там? — спросил он.

— Большой транспорт уже ушёл с орбиты, — ответил Кирилл. — До посадки он передал нас местной службе.

Он услышал собственные слова и замолчал.

«Передал местной службе» звучало так, словно всё происходило по правилам.

Лаборант поднял голову.

— Значит, за нами никто не вернётся?

— Мы передадим сигнал.

Молодой человек кивнул, словно уже знал, что помощь придёт. Кирилл отвёл глаза.

У ворот Марек говорил с кем-то по старой проводной трубке. Голос держал низким, и разобрать слова не удавалось.

Кирилл подошёл к нему после разговора.

— Нам нужен госпиталь. Здесь есть хирургический набор?

— Набор найду, а госпиталь далеко. Если вы про тот город, что видели с воздуха, там его давно нет.

Марек повесил трубку на крючок.

— Я сообщил, что привёз людей. Как стемнеет, придёт другая машина. У них есть помещение получше этого.

— А медицинская экспедиция? Нас должны были встречать. На основной площадке, потом на резервной. У пилота было разрешение.

— Возможно, разрешение было настоящее.

— Что значит «возможно»?

— То и значит. Настоящее разрешение не всегда означает, что тот, кто по вам стреляет, о нём знает.

Кирилл почувствовал, как возвращается злость.

Теперь она была холоднее и тяжелее.

— На башне автоматическая установка?

Марек кивнул.

— Почему её не отключили?

— Потому что площадку снова потеряли. Или потому, что у тех, кто её держит, нет доступа к старому управлению. Или потому, что никто не посчитал нужным сообщить об изменениях. Я не знаю.

За стеной слабо простучало — остывал металл.

Кирилл опёрся ладонями о край ящика.

Ему хотелось немедленно связаться с кем-то, назвать себя, перечислить раненых, потребовать машину и хирурга. В этом желании ещё жила уверенность, что существует нужный человек, достаточно поднять трубку и объяснить ошибку.

Но рядом висел старый аппарат с потрескавшимся шнуром, и незнакомец в потёртой куртке уже сделал всё, что мог.

— Мне нужно сообщить брату, — сказал Кирилл. — Он будет искать.

— Попробуем, когда доберётесь до людей со связью.

— Здесь её нет?

Марек указал на трубку.

— До соседнего узла. Иногда дальше.

Он достал из кармана фляжку, отвинтил крышку и протянул Кириллу.

Тот покачал головой.

— Вода, — пояснил Марек. — Пейте. Вы уже на ногах едва стоите.

Кирилл сделал несколько глотков.

Вода была тёплой, с лёгким металлическим вкусом.

У дальней стены Инга попыталась очистить стёкла очков. Одной дужки не хватало, и она всё время придерживала оправу пальцем.

Кирилл вернулся к ней.

— Дай посмотрю голову.

— Сначала свою потрогай.

Он провёл рукой по затылку и обнаружил засохшую кровь.

Инга усадила его на ящик.

— Ты всё время трогал карман, — сказала она, промывая ссадину. — Когда мы ещё летели. Что у тебя там?

— Передатчик.

— Цел?

Кирилл достал плоский прибор.

Экран был разбит. При нажатии под стеклом на мгновение возникла зелёная полоска и погасла.

Он попробовал ещё раз.

Ничего.

Инга убрала салфетку.

— Жалко.

Кирилл кивнул.

На приборе оставалось неотправленное сообщение Артёму.

Он вдруг отчётливо представил брата в его квартире, возле кухонного окна. Тот будет наливать чай, просматривать новости, сердиться на очередную задержку рейса, о которой услышит вскользь. Потом попробует связаться. Потом ещё раз.

Кирилл посмотрел на разбитый экран.

Ему стало стыдно за последнюю фразу о спасательных учениях.

Он убрал прибор обратно.

Марек выключил часть ламп и прикрыл проход плотной занавесью, удерживавшей тепло.

В помещении стало тише.

Обогреватель негромко потрескивал. Инга сидела рядом с Савиным, вытянув ушибленную ногу. Фельдшер спала, положив голову на сложенную куртку.

Кирилл наконец позволил себе закрыть глаза.

Сначала ему показалось, что он слышит дорогу.

Так иногда шумели шины по мокрому покрытию, если стоять под мостом.

Затем в шуме проступило медленное движение.

Что-то подходило, ненадолго задерживалось и уходило обратно, увлекая за собой мелкие камни.

Кирилл открыл глаза.

Лампы горели ровно. Марек сидел у ворот, спиной к ним, и перебирал инструменты.

Кирилл прислушался.

Звук повторился.

Вода накатывала на берег.

Он вдруг снова увидел земной пляж — серый песок, сухую траву на дюнах, брата с персиком в руке.

Воспоминание было таким естественным, что он несколько секунд не замечал несоответствия.

Потом взгляд упал на бетонный пол.

Тот был сухим.

Кирилл повернулся к Инге.

Она тоже не спала.

— У тебя в ушах шумит? — спросил он.

Инга помедлила.

— Я думала, ты не слышишь. Вода где-то за стеной, — сказала Инга.

Кирилл выпрямился. Холод прошёл по спине; он прислушался, боясь спугнуть звук.

Кирилл посмотрел туда, куда она кивнула.

За занавесью находился короткий коридор и ещё одна дверь. Марек открывал её, когда приносил одеяла.

Прибой затих.

Несколько секунд слышно было только дыхание спящих.

Потом вода снова прошла по камням — мягко, с протяжным шорохом.

— Может, водосброс, — сказал Кирилл.

Инга смотрела на него слишком внимательно.

— Может быть.

Он поднялся и пошёл к Мареку.

По дороге звук стал слабее. Возле ворот его почти не было слышно.

Марек не сразу заметил Кирилла. У него на коленях лежал разобранный фонарь.

— У вас здесь вода за стеной? — спросил Кирилл.

Пальцы Марекы остановились.

Пауза была короткой, но Кирилл её заметил.

— В канистре, — ответил он. — Остальное лучше не пить.

— Я не об этом. Там что-то шумит. Похоже на прибор.

Марек отложил отвёртку.

Посмотрел мимо Кирилла, в глубину помещения.

— Двери не открывайте. Тёплый воздух уйдёт.

— Там насос?

— Здесь давно нет насосов.

Кирилл подождал продолжения.

Марек снова взял фонарь.

— После удара по голове бывает всякое. Вам нужно немного поспать.

— Инга тоже слышит.

Теперь мужчина поднял глаза.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Кирилл привык к людям, которые скрывают боль. К пациентам, стесняющимся признаться в страхе, к родственникам, задающим вопросы, ответ на которые уже знают. Он умел замечать то короткое усилие, с которым человек отводит разговор.

Марек делал именно это.

— Вы знаете, что там? — спросил Кирилл.

— Я знаю, что вода здесь по трубам не идёт. Уже много лет.

Он говорил тихо, чтобы не разбудить остальных.

— А что вы слышите, не знаю.

Кирилл оглянулся.

Инга сидела неподвижно, чуть повернув голову к коридору.

Он мог бы сейчас вернуться, проверить слух, осмотреть дверь, найти щель, понять, как устроено помещение. Делать что-нибудь привычное и последовательное, пока непонятное не станет хотя бы немного меньше.

Но вместо этого спросил:

— Вы видели человека на полосе?

Марек нахмурился.

— Того, на которого вы показывали? Я не разглядел, что там было, — ответил Марек.

— В светлой одежде, дальше двигателя, возле поперечной трещины. Он стоял там с самого начала и под обстрелом даже не пригнулся.

Марек опустил фонарь на ящик.

— Покажите.

Сначала Кирилл подумал, что ему предлагают выйти наружу.

Но мужчина вытащил из плоского ящика старую схему площадки и развернул на коленях.

Лист был плотный, с потёртыми сгибами. Поверх печатных линий кто-то наносил новые — красные, чёрные, короткие стрелки и даты.

Кирилл узнал башню, склад, полосу.

Марек показал ногтем:

— Ваш модуль здесь лёг. По этой дорожке я подъехал. Где стоял человек?

Кирилл наклонился.

На бумаге всё выглядело меньше и понятнее. Казалось, в такой схеме не могло поместиться то, что произошло: огонь, Дронов возле полотна, Савин с зажатой в зубах тканью.

Он нашёл обтекатель, мысленно восстановил направление взгляда.

— Примерно здесь. Между старым тягачом и краем полосы.

Марек не ответил.

Провёл пальцем вдоль красной линии.

— Вы уверены, что не здесь?

— Нет. Дальше. Я хорошо видел трещину перед ним.

Кирилл показал ещё раз.

Марек медленно сложил один край схемы, потом расправил обратно.

— Это закрытый участок, — сказал он.

— Я понял. Вы говорили про мины.

— Не на подходе. Сам участок. Между старой стоянкой и полосой. Там заграждение, проволоку давно занесло, но поле никто не снимал.

Кирилл посмотрел на красную штриховку.

— Он мог прийти с другой стороны?

Марек покачал головой.

— С другой стороны ещё хуже.

— Тогда мог стоять на безопасном месте. Между зарядами.

— Мог, — согласился мужчина. — Если знал, где они.

В голосе его не было уверенности.

Кирилл вспомнил низкую светлую фигуру среди нагретого воздуха, потом поправил себя: не низкую — высокую. Почему-то на мгновение память изменила расстояние и рост.

Он попытался представить лицо.

Не смог.

Только светлая одежда, прямая неподвижная спина и ощущение, что человек находится ближе, чем должен.

— Там стреляли, — сказал Кирилл. — Я видел попадания вокруг него.

Марек молчал.

— Мины должны были сработать?

— Какие-то — да.

Они оба посмотрели на сложенную схему.

Из глубины помещения донёсся тихий голос Инги:

— Кирилл...

Он обернулся.

Она сидела у верстака. Не звала помочь, не смотрела на Савина.

Просто слушала.

За занавесью снова шумела вода.

Теперь звук был отчётливее. Волна накатывала на невидимый берег, медленно отступала, и мелкие камни перекатывались вслед за ней — один за другим, с сухим, почти стеклянным стуком.

Кирилл посмотрел на дверь в конце коридора.

Под ней лежала узкая полоса света.

Ни капли воды.

Марек убрал схему и встал.

— Отойдите от прохода, — сказал он.

Кирилл не двинулся.

— Вы же сказали, что не знаете, что это.

Мужчина посмотрел на него. Впервые с того момента, как появился тягач, на его лице проступило что-то похожее на страх.

— Не знаю, — ответил он. — Поэтому и прошу.

За дверью медленно отступило море.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛАЯ НАШИВКА

Глава I. Район назначения

Сначала Артём увидел море и подумал, что с высоты всякая планета умеет притворяться мирной.

Облака разошлись под крылом, открыв широкую тёмную воду. Белый свет лежал на ней длинными полосами; у берега, там, где начиналось мелководье, проступала холодная зелень. Из моря поднимались базальтовые острова. На одном стояло что-то похожее на маяк, на другом тянулись ровные ряды низких строений, слишком маленьких, чтобы отсюда понять их назначение.

Артём придвинулся к иллюминатору.

Внизу медленно поворачивалась береговая линия. Светлая набережная огибала бухту, терялась под облачной тенью, появлялась снова возле длинного здания с полукруглой крышей.

Потом он заметил, что крыши у здания нет.

Остались рёбра перекрытий, опоры и чёрная середина. Соседние кварталы были разрушены не сплошь: между провалами ещё стояли дома, кое-где даже со стёклами. От этого город казался особенно уязвимым. В нём сохранялось слишком многое, чтобы принять его за мёртвый.

По улице двигалась крошечная машина. За ней тянулся светлый след.

Артём проводил её взглядом.

— Нас туда везут? — спросил сидевший рядом мужчина.

Он был старше остальных пассажиров, с широкими ладонями и аккуратно заштопанным воротником. Всю дорогу держал на коленях плоскую сумку с инструментами, хотя багаж разрешили убрать в крепления.

— Нет, площадка дальше от берега. Мы слишком высоко: если бы садились возле города, уже пошли бы вниз.

— Вы так уверенно говорите. Уже бывали здесь?

Артём покачал головой.

Сосед поправил ремень на сумке.

— Я на наземном транспорте всю жизнь. Когда под колёсами дорога, мне понятнее.

Его звали Фёдор Лыткин. Они познакомились ещё на перегрузочной станции, где четверо суток ждали военного транспорта. Лыткин ехал обслуживать тяжёлые тягачи и, в отличие от большинства прибывавших на Рубеж, не скрывал, что согласился из-за денег.

Жене требовалась операция. Дома очередь двигалась медленно; здесь за полгода обещали столько, сколько он зарабатывал за два года.

Артём тогда не спросил, почему за обычный ремонт платят так много.

Лыткин тоже не стал объяснять.

Транспорт слегка качнуло. В проходе звякнула плохо закреплённая пряжка.

Впереди загорелась полоса предупреждения, и из динамика послышался голос:

— Проходим второй контрольный рубеж. Остаться на местах. Разрешение на снижение подтверждено, расчётное время до посадки — четырнадцать минут.

Артём посмотрел на край крыла.

В нескольких сотнях метров от транспорта шла небольшая машина сопровождения. Узкий корпус, короткие плоскости, две тёмные гондолы снизу. Она держалась чуть выше, время от времени исчезая в облаке.

На миг солнце ударило в её бок, высветив неровную заплату возле хвоста.

Море ушло назад.

Под ними начались равнины.

Издалека они казались заснеженными, но снег не мог так двигаться. По земле тянулись длинные светлые полосы; они огибали возвышенности, пересекали дороги и собирались у тёмных пятен построек. Минеральный песок лежал тонким подвижным слоем, через который проступала старая разметка полей.

Участки неправильной формы были соединены каналами. Где-то сохранились деревья — низкие, почти чёрные, с редкими серебристыми вспышками в кронах.

На равнине виднелись воронки.

Сначала Артём принял их за небольшие водоёмы. Потом увидел правильное расположение нескольких провалов вокруг узла дорог, и ошибка стала очевидной.

Он откинулся в кресле.

В пассажирском отсеке пахло нагретой изоляцией, несвежей одеждой и сладким лекарством от укачивания. Напротив спал молодой солдат с открытым ртом. Двое дальше по проходу молча смотрели в один экран; изображение застывало всякий раз, когда транспорт менял положение.

Один из них постучал пальцем по корпусу.

Второй убрал его руку.

— Не сломаешь — уже хорошо. Там запись, ей связь не нужна.

— Тогда почему останавливается?

— Потому что ты стучишь.

Они негромко засмеялись, и Артём вдруг почувствовал благодарность за этот короткий, совершенно обыкновенный звук.

Он расстегнул карман, достал небольшой коммуникатор, но включать не стал.

Под большим пальцем была царапина на боковой грани. Она появилась ещё дома, когда прибор упал со стола в тот вечер, когда пришло сообщение.

Сначала Артём решил, что это ошибка.

Пакет попал в общую очередь вместе с уведомлениями, чеком за обслуживание квартиры и напоминанием о медицинском осмотре. Отправитель был указан служебным обозначением грузового борта. Внутри — короткий текст и голосовая вставка.

Между обитаемыми системами ходили через транзитные узлы. Сам переход сокращал межзвёздное расстояние, но не отменял недель разгона, местных перелётов и ожидания посадки. Сообщения между узлами шли по ретрансляционной сети; с поверхности Рубежа к ней допускали только проверенные каналы. Кириллов пакет попал в сеть уже с уходящего грузового борта. Наличие обратного адреса ещё не означало, что за ним оставался человек на планете.

Он прочитал текст дважды, прежде чем открыл звук.

Кирилл говорил тихо. Где-то рядом работал двигатель или генератор; низкий гул почти закрывал последние слова.

«Не верь спискам погибших. Поселение шесть. Я нашёл выход».

Потом, после паузы:

«Тём, если получишь, не отвечай на этот адрес. Он одноразовый».

И всё.

Артём сидел у кухонного стола, пока за окном не начали гаснуть окна соседнего дома.

Он уже знал формулировку извещения наизусть. «Гибель экспедиционного модуля при попытке посадки». «Подтверждённых сведений о выживших не получено». «Ввиду обстановки на поверхности поисковые мероприятия прекращены».

Последние слова оставляли достаточно места и для надежды, и для самообмана.

Он пробовал то и другое.

Теперь надежда получила голос, дату отправки и название места, которого на общедоступных схемах не было.

Артём убрал коммуникатор.

За иллюминатором равнина стала ближе. Он различал уже не только дороги, но и отдельные машины на них. Одна колонна стояла возле разрушенного моста. Люди казались неподвижными точками.

Слева протянулся тёмный лес. Низкие кроны сходились так плотно, что между ними не видно было земли. Ветер переворачивал листья, и над лесом пробегало серебристое движение.

Красиво, подумал Артём.

Мысль возникла не вовремя и оттого запомнилась.

Транспорт заложил широкий поворот.

Внизу открылась посадочная площадка: несколько полос, защищённые насыпи, склады, тяжёлые машины возле световых указателей. Дальше, за земляным валом, теснились невысокие здания.

У одного длинного корпуса не хватало угла.

Пробоину закрыли листами металла разных цветов.

— Вот сюда, значит, — сказал Лыткин.

Он смотрел теперь прямо перед собой.

Артём кивнул.

Колёса коснулись покрытия тяжело, но ровно. Транспорт пробежал по полосе, затормозил, повернул к низкому ангару.

Несколько секунд никто не шевелился.

Потом по отсеку прошёл общий выдох, защёлкали ремни, люди потянулись за вещами.

Артём остался сидеть, пока не погасла полоса предупреждения.

Он всегда ждал её.

Когда-то Кирилл над этим смеялся: человек, который мог войти в горящий отсек, послушно сидел в кресле из-за маленькой лампочки.

Артём тогда ответил, что в горящий отсек он входит по необходимости, а ломать шею в проходе из-за собственного нетерпения необходимости нет.

Сейчас он почему-то вспомнил не слова брата, а то, как тот смеялся: чуть отворачивая голову, словно старался скрыть веселье, хотя никогда не умел.

Холод вошёл в салон раньше, чем опустился трап.

Он пах пылью, топливом и далёким дымом.

На земле Артём машинально поднял воротник.

Ветер шёл вдоль полосы, забирался под одежду, шевелил ремни на сумках. Свет здесь был непривычный — белый, резкий, почти без утреннего тепла. От этого даже лица прибывающих казались бледнее.

У трапа стоял сержант с планшетом и яркой полосой на рукаве.

— По одному, документы готовы. С площадки не расходиться. Кто с отдельным назначением — после проверки налево, за жёлтую линию.

Говорил он негромко. Повторять не требовалось.

Лыткина отправили к группе технических специалистов. Тот поднял сумку, посмотрел на Артёма.

— Если что сломается, ищите нас. Название мастерской пока не знаю, но, думаю, скоро узнаю.

— Постараюсь прийти с чем-нибудь, что ещё можно починить.

— Здесь бы все так старались.

Они пожали руки.

Артём проводил его взглядом, потом подошёл к сержанту.

Проверка заняла меньше минуты. Сержант сверил лицо, отметил прибытие и вернул документ.

— Векшин. Четвёртый гарнизон, инженерно-штурмовая группа. Вон та машина, кабина с белой полосой. До размещения оружие не получаете, самостоятельно по территории не ходите.

— Понял.

— Если потеряетесь, назад на площадку не возвращайтесь. Остановитесь возле любого поста.

Сержант уже смотрел на следующего.

У машины с белой полосой ждали ещё трое. Артём поставил сумку на землю.

За ограждением рабочий в длинной куртке пытался протаскать тележку через колею. На тележке стояли два закрытых бака, связка пустых канистр и небольшой ящик с зелёной рассадой.

Колесо застряло.

Рабочий дёрнул ручку, посмотрел на баки и начал снимать с тележки ящик.

Артём шагнул к нему, но остановился у жёлтой линии.

До ограждения было метров десять.

Рабочий заметил движение.

— Не надо, — сказал он. — Вы ещё отметку не получили. Здесь за помощь потом дольше объясняться.

Он снял один бак, освободил колесо и покатил дальше.

Артём проводил взглядом тонкие зелёные листья.

Их прикрыли прозрачной плёнкой, местами заштопанной.

Водитель появился без спешки, проверил крепление заднего борта и велел садиться.

По дороге к гарнизону машина миновала грузовые площадки и ряд круглых резервуаров. На двух виднелись следы пожара. Между ними сушились на верёвке рабочие перчатки.

У пропускного пункта пришлось остановиться.

Пока часовой сверял отметки, Артём разглядывал дорогу впереди.

Она поднималась на невысокую гряду. Справа стояли жилые дома — обычные, с балконами и маленькими двориками. На одном балконе женщина вытряхивала одеяло. Под стеной сидел мужчина, чинивший ножку стула.

За последним домом начиналась пустая полоса с проволочными ограждениями.

— Там раньше рынок был, — сказал один из попутчиков.

У него оказался местный выговор — мягкие окончания и чуть растянутые гласные.

— Вы отсюда? — спросил Артём.

— Мать здесь живёт. Я на распределительном складе служил, теперь обратно перевели.

Он посмотрел на пустырь.

— По выходным яблоки привозили. Маленькие, кислые, зато пахли на всю улицу.

Водитель получил разрешение, машина тронулась.

На подъёме Артём увидел полосу тёмных холмов за городом. Между ними лежали низкие облака. Или дым — с такого расстояния не разобрать.

Он достал сложенную схему района.

Общую, выданную ещё на перегрузочной станции.

Дороги, действующие посты, разрешённые направления движения. Там, где его интересовала местность, была нанесена широкая серая полоса.

Условное обозначение гласило: «Ограниченная достоверность данных».

Артём сложил схему.

Названия «Поселение шесть» на ней не было.

До прибытия он успел столкнуться с этим не раз.

Ему предлагали проверить номер, уточнить административную принадлежность, обратиться в службу гражданского розыска. Одна женщина даже терпеливо объяснила, что слово «поселение» могло использоваться неофициально.

Она терпеливо ждала ответа. Артёму было неловко сердиться на неё, и всё-таки он сердился.

В конце концов он перестал спрашивать, где находится нужное место, и начал выяснять другое: какое подразделение работает в секторе, из которого когда-то передали пакет.

Так появился четвёртый гарнизон.

Потом были заявления, отказ, повторное собеседование, проверка прежних допусков. В кадровой службе долго объясняли, что спасательный пилот и специалист наземной группы — разные профессии.

Артём соглашался и перечислял всё, чему его учили помимо управления машиной: обследование аварийных сооружений, извлечение людей из завалов, работа с подъёмным оборудованием, обеспечение временного питания, прокладка маршрута в разрушенных отсеках.

Ему предложили другое место.

Он отказался.

Тогда предложили ещё одно.

На третьем собеседовании сотрудник по распределению отложил планшет.

«Вы слишком точно знаете, куда вам нужно».

Артём ответил, что изучил условия службы.

Машина повернула за высокий земляной вал.

Гарнизон оказался меньше, чем представлялся с воздуха.

Несколько длинных корпусов, ремонтный двор, склад, столовая с двумя трубами вентиляции. Между зданиями ходили люди. Никто не бежал, не кричал, не смотрел в небо.

У стены сохла перевязанная проволокой швабра.

Из открытых ворот мастерской доносилось радио — голос ведущего спорил с помехами, и помехи явно побеждали.

Водитель высадил Артёма возле административного корпуса.

— Вам на второй этаж, крайняя дверь. Если капитана нет, ждите там. Он сегодня с утра на ногах.

Внутри было тепло и пахло краской.

По стене тянулся свежий кабель, ещё не закрытый кожухом. Возле лестницы стояло ведро. Кто-то аккуратно подложил под него картон, чтобы не царапать пол.

Артём поднялся.

За крайней дверью разговаривали двое.

— Я не спорю, что насос ещё работает, — говорил мужчина. — Я говорю, что следующую смену вы рядом с ним не поставите. Сначала крепление, потом люди.

Второй голос ответил тише, слов Артём не разобрал.

— Значит, снизьте подачу. Лучше недополучить воду два часа, чем потом вытаскивать человека из муфты.

Дверь открылась.

Невысокий старший сержант с папкой вышел в коридор, посмотрел на сумку Артёма и кивнул в сторону кабинета.

— Проходите. Пока свободно.

За столом сидел человек лет сорока с небольшим. Светлые волосы, коротко подстриженные, на висках уже заметно седые. Лицо широкое, уставшее, без той подчеркнутой неподвижности, которую Артём не любил у людей, привыкших командовать.

На столе лежали схема, разобранный крепёжный замок и чашка с остывшим чаем.

Капитан поднял глаза.

— Векшин?

— Да. Прибыл в ваше распоряжение.

— Садитесь. Сумку можно у стены.

Артём сел.

Горин открыл личное дело, посмотрел несколько строк.

— Андрей Горин. Будем работать вместе, если не выяснится, что вас прислали к нам по ошибке.

Он произнёс это без улыбки, но и без недоброжелательности.

— По вашему делу получается, что в ошибку вы вложили довольно много усилий.

Артём ждал.

— Трижды меняли предложенное назначение, согласились на повторную подготовку, отказались от лётной должности. Почему?

— Мне подходит работа аварийной группы.

Горин посмотрел на него.

Не так, как смотрят на человека, которого уже уличили, — скорее давая возможность самому исправить неудачную фразу.

— В лётной части условия лучше. И работа вам знакома.

— Здесь нужны специалисты по повреждённой инфраструктуре. У меня есть опыт.

— Опыт вижу. Причину пока не слышу.

За окном с металлическим стуком опустился кузов грузовика.

Артём положил ладони на колени, чтобы не касаться кармана с коммуникатором.

— Я хотел на Рубеж. Другие назначения были с перспективой перевода, без определённого срока. Здесь место было открыто.

— Из-за денег?

— В том числе.

Ложь вышла небольшой и неприятной. Артём почувствовал это сразу.

Капитан не стал уточнять.

Перевернул страницу.

— Последняя полевая работа — авария на перегрузочном узле. Вы руководили извлечением смены из технического сектора?

— Первую часть, потом подошла вторая группа. Одиннадцать человек вышли. Двоих мы нашли позже.

Горин кивнул, не произнося дежурного сочувствия.

— С оружием?

— Подготовку прошёл, работал на охраняемых объектах, в основном на сопровождении. Но большого опыта боя у меня нет.

— Хорошо, что сказали сразу, — ответил Горин.

Капитан закрыл дело.

— У нас инженерно-штурмовая группа. Название длинное, задачи разные. Иногда нужно открыть проход, иногда закрыть, иногда забрать людей из места, куда никто больше не хочет ехать. Ваша прежняя работа пригодится. Но здесь нельзя считать, что если вы добрались до пострадавшего, самое опасное уже позади.

Артём слушал, глядя на замок возле чашки.

Одна из направляющих была согнута.

Горин заметил его взгляд.

— Это с крепления выносной опоры. Тоже решили, что ещё выдержит.

Он отодвинул замок.

— Пока пойдёте на аварийно-инженерные работы. Несколько выходов рядом с гарнизоном, знакомство с техникой и людьми. Дальше посмотрим. С командиром на месте не спорить через голову группы. Если считаете решение опасным, говорите сразу и по существу.

— Понял.

— Прежние навыки не выбрасывайте. Просто дайте себе время разобраться, где вы оказались.

Артём кивнул.

Горин взял планшет, что-то отметил.

Разговор, казалось, закончился.

— Мне нужна более подробная схема района, — сказал Артём.

Капитан поднял глаза.

— Для работы получите.

— На общей карте много пустых участков. Даже населённые пункты обозначены не все.

— Потому что о некоторых нет достоверных сведений.

Артём помедлил.

— Поселение шесть относится к нашему сектору?

Горин положил планшет на стол.

Теперь смотрел внимательнее.

— Откуда знаете название?

— Встречалось в старом перечне гражданских объектов. Я изучал район перед назначением.

Это тоже было правдой. Он действительно нашёл такой перечень — после того, как уже знал, что искать.

— Относится, — ответил Горин. — Но это не означает, что мы там стоим.

Он развернул лежавшую на столе схему.

Здесь серая полоса была расчленена на отдельные участки. Дороги отмечались разными цветами; кое-где рядом стояли даты.

Горин указал на юго-восток.

— Последний постоянный пост — здесь. Дальше меняется обстановка, работают старые установки, по некоторым дорогам давно никто не проходил. Бывают люди из тех мест, бывают сообщения. Что из этого ещё соответствует действительности, каждый раз выясняем заново.

Артём всматривался в схему.

Название находилось чуть дальше кончика капитанского пальца.

Совсем маленькая надпись.

Поселение № 6.

Он ожидал, что почувствует облегчение, когда увидит её на настоящей карте.

Вместо этого стало трудно дышать.

Все месяцы поисков внезапно сжались до нескольких сантиметров бумаги. Казалось, достаточно протянуть руку — и расстояние исчезнет.

Горин сложил край схемы обратно.

— Самостоятельных выходов нет, Векшин. Ни за покупками, ни к знакомым, ни по личным вопросам. Даже если кто-то скажет, что знает короткую дорогу.

— Я не собирался выходить без разрешения.

— Тогда считайте, что я повторил общий порядок.

Капитан нажал вызов.

Через минуту в дверь заглянул молодой связист.

Худой, светловолосый, в свитере с закатанными рукавами. На пальцах — следы герметика.

— Ремезов, проводите нового специалиста. Размещение, имущество, потом в мастерскую. Пусть познакомится с оборудованием.

— Понял. А по четвёртому комплекту подпись сейчас нужна или после проверки?

— После. Я хочу подписать комплект, а не надежду, что вы его соберёте.

Связист слегка улыбнулся.

— Тогда после обеда принесу.

Артём поднялся.

У двери Горин остановил его:

— Векшин. Если у вас есть причина, которая может повлиять на работу, лучше сказать до выхода.

Несколько секунд Артём смотрел на капитана.

Можно было достать коммуникатор.

Включить запись, дожидаться, пока низкий шум уступит место голосу брата, и объяснить всё.

Но он слишком хорошо помнил, как быстро личная заинтересованность превращается в формулировку о нежелательном назначении. Горин мог оказаться порядочным человеком и именно поэтому отправить его подальше от района, где тот перестанет соблюдать осторожность.

— На работу не повлияет, — ответил Артём.

Капитан не отвёл взгляда.

— Посмотрим.

В коридоре Ремезов дождался, пока закроется дверь.

— Сначала вещи оставим. До мастерской недалеко, но сумка вам там быстро надоест.

Они спустились по лестнице.

— Я Саша, — сказал связист. — Здесь обычно так, если никто не сердится. Когда сердятся, вспоминают фамилию.

— Артём.

— Увидел в назначении, что вы спасатель. У нас выносная камера заедает на повороте. Я разобрал соединение, но, кажется, стало заедать честнее.

— Это как?

— Раньше иногда проходила. Теперь уже точно знаю, где остановится.

Артём впервые за день улыбнулся.

Саша заметил, но продолжать шутку не стал.

Жилой корпус находился через двор.

Комната была на четверых. Две койки заняты, на третьей лежало свёрнутое одеяло. У окна стоял стол, над ним — прикрученная к стене полка с кружками.

Саша показал свободный шкаф.

— Нижняя петля слабая, лучше дверцу не бросать. Воду вечером дают горячую минут сорок, потом как повезёт. Если нужен душ, не откладывайте до последнего.

Артём поставил сумку.

На соседней койке лежала раскрытая книга. Между страницами торчал плоский самодельный ключ.

— Здесь кто?

— Дёмин и Осипов. Они на внешнем посту, вернутся завтра. Осипов спит чутко, а Дёмин храпит, но они как-то договорились.

Саша подошёл к окну и проверил защёлку.

— Если задуёт с равнины, закрывайте до конца. Песок очень мелкий, утром даже в кружке будет.

Из окна виднелся ремонтный двор. Возле машины стояли двое, один держал фонарь, второй лежал под днищем.

На стене сушились куски брезента.

Всё выглядело временным и давно обжитым.

Артём открыл сумку, достал сменную куртку, положил на полку коммуникатор.

Саша тактично отвернулся к двери.

— Я в коридоре подожду. Нам ещё отметку о прибытии в мастерской поставить.

Оставшись один, Артём включил прибор.

Запись открылась сразу. Он не слушал её с того дня, как транспорт вошёл в систему: боялся, что привычка незаметно сотрёт из голоса то, что удерживало его все месяцы.

На экране оставалась дата исходной отправки.

Кирилл мог быть жив.

Мог уже давно погибнуть.

Мог уйти из поселения, ошибиться, попасть в плен, добраться до другого убежища.

Артём знал каждую из этих возможностей. Они не отменяли ни одной дороги, которую он уже прошёл.

Он выключил экран и убрал прибор в шкаф, под одежду.

Потом вернулся в коридор.

В мастерской было теплее, чем в жилом корпусе.

Под потолком тянулись трубы, возле ворот стояли разобранные тележки. На длинном верстаке лежало оборудование в открытых защитных ящиках: камеры на гибких кабелях, датчики, осветители, складные распорки.

Саша подвёл его к выносной камере.

— Вот здесь. На прямом участке идёт нормально, а если поворот чуть круче, головка цепляется.

Артём взял устройство, проверил сочленение.

На наружной стороне шарнира виднелась свежая полоса.

— Где работала в последний раз? И после извлечения её промывали?

— В канале под водораспределителем, там на повороте осыпалось с потолка. Разъём не трогали: он ведь закрытый.

Артём осторожно повернул головку.

Внутри хрустнуло.

— Корпус закрытый, а уплотнение выдавило. Здесь песок.

Он показал тонкий перекося.

Саша наклонился ближе.

— Я думал, след от удара.

— Удар тоже был. Из-за него и пошла щель.

Они разобрали узел.

Артём работал медленно, позволяя связисту самому увидеть повреждение. Саша задавал точные вопросы, не пытался скрыть прежнюю ошибку и быстро запоминал.

Это понравилось Артёму.

В какой-то момент из соседнего помещения принесли чай в металлическом чайнике. Поставили возле них вместе с двумя кружками, ничего не спрашивая.

Артём поблагодарил.

Из-под машины у ворот донёлся голос:

— Новенький, сахар там в коробке. Только если доберёшься до дна, крышку потом не закрывай. Иначе следующему опять сюрприз будет.

— Уже добрался, — ответил Саша, заглянув в коробку.

— Значит, сегодня без сюрпризов.

За воротами медленно темнело.

Белый свет утра уходил, и мастерская становилась похожа на десятки других мест, где Артёму доводилось работать: усталые люди, горячий чай, инструмент под рукой, вещь, которую ещё можно исправить.

На несколько минут ему стало легче.

Камера после очистки прошла через изогнутую направляющую без задержки.

Саша повторил проверку трижды.

— Теперь можно капитану нести. А то я уже представлял, как он попросит лично пролезть туда с фонарём.

— В следующий раз сначала смотрите на следы снаружи. Поломка часто оставляет подсказку, прежде чем её откроют.

— Вы так говорите, будто у неё есть характер.

— У людей, которые её собирали, точно был.

Саша рассмеялся и начал закрывать ящик.

Артём убрал инструмент.

Усталость пришла внезапно. Глаза резало, плечи стали тяжёлыми. Последние часы он держался на дороге, разговорах и ожидании, что сейчас произойдёт что-нибудь важное.

Ничего не происходило.

Он прибыл.

Его приняли.

До брата по-прежнему было неизвестно сколько.

В столовую они пошли вместе.

Там давали густой суп, кашу и небольшой кусок мяса, который Саша назвал удачным признаком.

— Значит, завоз прошёл. Обычно по мясу лучше видно, чем по сводке снабжения.

Они сели у стены.

За соседним столом спорили о печке в одном из помещений. Пожилой прапорщик объяснял, что заслонку нельзя держать открытой постоянно. Его слушали без особого уважения, но внимательно.

Артём ел, почти не чувствуя вкуса.

Потом всё-таки спросил:

— Вы далеко отсюда выходите?

Саша положил ложку.

— По задаче. Бывает рядом, бывает за старую насосную. Дальше уже с охраной и после проверки маршрута.

— До гражданских поселений добираетесь?

— Иногда. Если есть проход и понятно, зачем идти. Там дороги не как на схеме. За ночь может переместить, а можно упереться в чью-нибудь установку, про которую никто не помнит.

Он подумал и добавил:

— Вы сегодня про шестое у капитана спрашивали?

Артём поднял глаза.

— Слышали?

— Последнее. Я за дверью стоял. Не специально.

Связист говорил без любопытства, но Артём почувствовал, как снова напряглись плечи.

— Хотел понять район.

— Тогда лучше у него и спрашивать. На картах много старого, а если кто-нибудь уверенно рассказывает, как там всё просто, обычно сам уже давно не ходил.

Саша вернулся к еде.

Никаких расспросов не последовало.

За окном прошли двое с носилками. На них лежали свёрнутые матрасы.

Артём проводил их взглядом и заставил себя доесть.

После ужина они вернулись в мастерскую за отметкой о проверке. Горина там не оказалось. Саша связался с ним и получил указание принести перечень исправного оборудования в административный корпус.

— Пойдёмте со мной. Заодно вам завтрашний порядок скажут.

На улице воздух стал суше и холоднее.

Над земляным валом поднималась большая луна. Её нижний край был мутным от пыли, а выше проступали тёмные неровные области.

Артём остановился на несколько секунд.

У земной луны был другой рисунок.

Простая, очевидная разница вдруг подействовала сильнее, чем всё увиденное за день.

Здесь нельзя было свернуть к знакомой улице. Нельзя было закончить смену, купить хлеба, зайти к брату без предупреждения и застать его за поздним ужином.

Между ними лежали месяцы пути.

И несколько десятков километров на чужой карте.

— Красиво бывает, когда обе выходят, — сказал Саша, заметив его взгляд. — Только в ясную ночь холоднее. Сами поймёте.

Они пошли дальше.

В административном корпусе горели уже не все лампы.

Горин стоял у большого рабочего экрана вместе со старшим сержантом, которого Артём видел утром.

На столе лежали несколько раскрытых планшетов, рядом — кружка с новым чаем и тот же повреждённый крепёжный замок.

— Камеру сделали? — спросил капитан.

— Проверили. Замена уплотнения и очистка, повреждённую направляющую тоже вывели.

Саша поставил ящик на стол.

Горин посмотрел отметки, затем на Артёма.

— Освоились?

— Пока с камерой.

— Уже полезнее, чем просто освоиться.

Он указал на экран.

— Завтра идёте с группой на распределительный узел. Маршрут короткий, объект действующий. Посмотрите крепления, оцените проходы к нижним помещениям. Сначала обозначение, потом заключение.

Артём кивнул.

На экране была схема гарнизона и прилегающих коммуникаций.

Водопровод, питание, старые технические каналы.

Сержант коснулся одного из обозначений.

— Здесь заявку на замену кабеля оставляем или переносим?

— Оставляем, — ответил Горин. — До замены хотя бы выясним, сколько ещё можно держать нагрузку.

Схема сместилась.

На правой стороне экрана открылся перечень работ по сектору.

Артём сначала прочитал верхние строки, просто потому что они находились перед глазами.

Распределительный узел.

Проверка опор на объездной дороге.

Восстановление наружного освещения грузового двора.

Ниже начинались предварительные задачи.

Одна строка была отмечена жёлтым.

«Линия Ю-17. Обследование сохранившегося участка. Доступ по результатам разведки».

Следом — обозначения промежуточных точек.

Старая насосная.

Кабельный колодец.

Гражданский узел связи.

Учебный центр. Поселение № 6.

Артём продолжал смотреть на экран.

Горин что-то говорил сержанту, Саша убирал планшет, за окном проехала машина. Все эти звуки оставались рядом, но смысл доходил с задержкой.

Ему пришлось сделать усилие, чтобы не подойти ближе.

— По линии тоже ваша группа работает? — спросил он.

Горин повернулся.

— Если задачу подтвердят. Пока собираем данные, — ответил Горин.

— Там старый гражданский узел? Я работал с такими сетями.

— От сети остались отдельные участки. Сможете определить, пригоден ли кабель?

Артём посмотрел на обозначение линии.

Артём заставил себя помедлить с ответом. Ещё немного — и вместо рабочего вопроса у него вырвется просьба, ради которой он месяцами добивался назначения.

— Смогу обследовать. Я занимался этим при восстановлении аварийной связи, но заранее обещать результат нельзя: всё зависит от состояния каналов и оборудования на концах.

— Значит, пригодитесь. Сначала завтра разберёмся с тем, что у нас под ногами.

Горин вернулся к сержанту.

Артём отступил к двери, пропуская Сашу.

На экране по-прежнему горела жёлтая строка.

Место, которое столько месяцев существовало для него только в голосе брата, оказалось в обычном перечне работ — между повреждённым кабелем и сроком следующей проверки.

Он ещё не получил разрешения туда идти.

Не узнал, что найдёт в конце дороги.

Но впервые с того вечера, когда пришло сообщение, перед ним была задача, к которой могли допустить именно его.

За спиной щёлкнул замок закрываемого ящика.

Артём обернулся ещё раз.

«Учебный центр. Поселение № 6».

На этот раз он прочитал название без страха, что оно исчезнет.

Глава II. Группа крови

Утром Артём долго не мог понять, почему ему кажется, что он уже бывал в этой комнате.

Светлая полоска под дверью. Шкаф с неплотно закрытой створкой. Чужая куртка на спинке стула. Негромкий скрип кровати, когда спящий переворачивается на другой бок.

Таких комнат в его жизни было много. На станциях, в общежитиях спасательной службы, возле аварийных объектов, откуда собирались уехать через двое суток, а оставались на месяц. В них всегда находилась какая-нибудь мелочь, пережившая прежних жильцов: вбитый слишком высоко гвоздь, кружка без ручки, занавеска, которую однажды укоротили ножом.

Здесь на подоконнике стояла маленькая стеклянная банка с землёй.

Из земли торчали три зелёных листа.

Артём посмотрел на них и окончательно проснулся.

Накануне вечером он их не заметил.

Возле окна сидел незнакомый мужчина. Худощавый, с тяжёлыми веками и узкими ладонями. Он продевал шнурок в ботинок, неторопливо поправляя каждый перекрёст.

На соседней койке спал другой — крупный, коротко остриженный, с рукой, свисавшей почти до пола. Храп у него был негромкий, но настойчивый, с короткими остановками, во время которых комната словно прислушивалась.

Мужчина у окна поднял голову.

— Доброе утро. Мы вас ночью не подняли?

— Нет. Даже не слышал, как вернулись.

— Значит, дорога была хорошая. После плохой обычно ещё во сне продолжаешь ехать.

Он затянул шнурок, поставил ногу на пол.

— Осипов. А это Дёмин, если успели познакомиться по звуку.

Артём сел, откинув одеяло.

— Векшин. Но лучше Артём, если вам удобно.

— Мне тоже можно по имени. Только здесь так давно привыкли к фамилии, что я уже не сразу отзываюсь, — ответил Осипов.

Осипов говорил тихо, не из осторожности — просто не видел причины повышать голос.

Артём посмотрел на банку.

— Это ваше?

— Общее. Лук. Только Дёмин уверяет, что посадил первым, поэтому и съесть должен больше.

Спящий шумно втянул воздух, повернул голову к стене и затих.

Осипов некоторое время смотрел на него с почти хозяйским удовлетворением.

— Вот теперь можно ещё поспать, если хотите. Минут двадцать точно есть.

Артём встал.

За окном светлела стена мастерской. Над её крышей двигались низкие облака, окрашенные по краям в бледное серебро. Вчера, по дороге с площадки, он успел заметить, что здесь свет меняет расстояния: близкое кажется резче, дальнее — холоднее и неподвижнее. Утром это ощущалось ещё сильнее.

Он взял полотенце.

— Вода есть?

— В умывальной есть. Горячая вечером, если успеете. Из крана лучше не пить, на раздаче наберёте.

Осипов кивнул на дверь.

— И список посмотрите возле лестницы. Там вас на утро куда-то записали.

В коридоре пахло мокрой тканью и едва заметно — жареным хлебом.

У двери умывальной стояли двое. Один придерживал у подбородка полотенце, второй пытался отмыть тёмную полосу на запястье. Внутри равномерно стучал неисправный кран.

Артём дождался свободного места.

Вода оказалась холоднее, чем он ожидал. Кисти сразу заныло, зато окончательно ушла тяжесть сна. Он умылся, поднял голову к зеркалу.

Вчерашний день оставил мало следов. Те же глаза, тот же небольшой шрам над бровью, та же складка у рта, появлявшаяся после долгой дороги.

Он подумал, что Кирилл, вероятно, тоже смотрел здесь в какое-нибудь зеркало.

Где-то на этой планете.

В комнате, которую Артём никогда не видел.

Мысль была простой, почти бытовой, но от неё захотелось сразу выйти за ворота и идти, не тратя времени на списки, выдачу имущества и чужие вопросы.

Он вытер лицо.

За воротами лежали дороги, которых он не знал. Старые установки, которые могли стрелять по неподходящему коду. Люди, для которых его желание найти брата ничего не объясняло.

Артём сложил полотенце и пошёл смотреть список.

Медицинский осмотр. Получение обмундирования. Знакомство с личным аварийным комплектом.

Ниже от руки дописали: «После обеда — внутренний распределитель. Группа Ремезова».

Он перечитал приписку.

Саша вчера говорил, что распределитель находится в пределах гарнизона. Работа на действующем объекте, первый осмотр, без выхода за внешний периметр.

Нормальное начало.

Артём старался удерживаться за это слово.

В комнате Дёмин уже сидел на койке, рассматривая подошву ботинка.

— Доброе утро, — сказал он. — Если мешал, не терпите. Только кровать толкайте, а не меня. Мне потом неловко за первое слово, которое я говорю спросонья.

Осипов, складывавший одеяло, негромко усмехнулся.

— Он считает, что предупреждение заменяет извинение.

— Предупреждение хотя бы заранее приносит пользу.

Дёмин отложил ботинок.

— Сергей. Вы к нам надолго?

Артём помедлил.

— Пока не знаю.

— Здесь самый распространённый срок.

Дёмин потянулся за вторым носком, оставляя Артёму возможность не отвечать.

Артём убрал полотенце в шкаф.

За внутренней планкой лежал коммуникатор. Он не стал его доставать.

Сообщение никуда не исчезнет за несколько часов. А если перечитывать его каждое утро, дата отправки всё равно не приблизится к сегодняшнему дню.

Вещевая выдача находилась в низком корпусе у ремонтного двора.

За столом сидела женщина с седой прядью над лбом. Она держала на коленях чью-то куртку и распарывала шов маленьким ножом.

Рядом ждал боец в одном свитере. Под мышкой у него была зажата пустая кружка.

— Я же только застёжку просил, — сказал он.

— Вы просили, чтобы закрывалось. Для этого сначала надо убрать то, чем вы сами её пришили.

— Чем было.

— Вот оно у вас и получилось из того, что было.

Женщина осторожно вытянула длинный отрезок толстой нити, положила на стол и только после этого посмотрела на Артёма.

— Прибыли вчера?

Он кивнул и назвал фамилию.

Она нашла его в списке.

— Что получили по дороге?

Артём перечислил.

Женщина достала с полки куртку, брюки и несколько плоских пакетов.

— Примеряйте. На цифры не смотрите, они здесь для общего настроения. Если в плечах тянет, сразу говорите.

Куртка оказалась впору, но правый рукав чуть перекручивался.

Женщина подошла, потянула ткань у локтя.

— Эту не надо. Будете работать руками, через час начнёте вспоминать меня недобрым словом.

Она принесла другую.

На ней был зашит разрез возле нижнего кармана. Шов сделали ровно, небольшими стежками, с плотной подкладкой изнутри.

Артём расправил ткань.

— Эта лучше.

— Значит, эту и берите. Вещь проверена, застёжки новые.

На столе лежали чужие куртки, брюки, перчатки. У некоторых сохранились следы снятых знаков. Один воротник был так истёрт, что ткань стала почти прозрачной.

Артём машинально провёл пальцами по своему рукаву.

Женщина заметила движение, но ничего не сказала.

Она складывала бельё, проверяла размер носков, отмечала выданное. В её работе не было ни торжественности, ни неловкости. Людям требовалось одеться, а ткани не становилось больше от того, что кто-то задавал лишние вопросы.

Боец со свитером снова взялся за кружку.

— Мне после обеда можно забрать?

— Если сейчас перестанете спрашивать, успею до обеда.

Он улыбнулся и отошёл к двери.

Женщина положила поверх стопки вещей маленький прозрачный пакет.

Внутри были две иглы, катушка ниток, пуговицы и прямоугольник белой ткани.

Артём взял его.

— Это тоже мне?

— Нашивка. В медчасти проверят сведения и объяснят. Сами ничего не пишите, даже если уверены.

Она отметила последнюю строку.

— И рукава на себе не укорачивайте. В прошлый раз человек так старался, что потом пришлось выдавать новую куртку.

Артём поблагодарил и вышел.

На дворе стало люднее.

Грузовик с открытым бортом сдавал к складу. Водитель высунулся из кабины, следя за рукой помощника. Возле мастерской на деревянных подставках лежал приводной узел, ещё влажный после промывки.

Между корпусами медленно тянулась очередь за водой.

Артём остановился рядом, чтобы пропустить тележку.

На ней стояли металлические баки и ящик с чашками. Вёз её пожилой мужчина, чуть прихрамывая. Когда колесо попало в трещину, находившаяся рядом девушка без слов помогла поднять край.

В очереди спорили о канистрах.

— Эту надо было промыть ещё вчера, — говорила женщина в тёмной косынке. — Теперь снова запах пойдёт.

Мужчина впереди открыл крышку, понюхал и пожал плечами.

— Нормальная.

— Тебе и та была нормальная, пока чай не налили.

Дежурный терпеливо ждал, когда они решат, в какую наливать.

Артём услышал за спиной знакомый голос:

— Если сейчас не наберёте, после обеда придётся ждать.

Саша держал две фляги, сцепленные ремешком.

— Резервуар промывают, — пояснил он. — У нас питьевая отдельно от технической. В комнате кран оставят, но лучше не путать.

— Здесь и гражданским выдают?

— Которые работают при гарнизоне, да. И семьям из ближних домов. У них старый водовод пока закрыт.

Он показал на выдаваемую Артёму стопку вещей.

— Отнесите, я вам флягу наполню. А то будете тут изображать передвижной склад.

Артём хотел отказаться, но Саша уже протянул руку.

Он отдал флягу.

Вернувшись, застал связиста у конца очереди. На земле возле его ног стояла детская кружка с крышкой. Рядом девочка лет шести с серьёзным видом держала пустую ёмкость.

— Она не тяжёлая, — объясняла девочка. — Мне просто наливать не дают.

— Потому что под струёй не удержишь, — ответил Саша. — Сейчас наберём, понесёшь сама.

Он наполнил кружку не доверху, закрутил крышку и проверил, не течёт ли.

Девочка взяла её обеими руками.

Саша проводил взглядом до женщины в косынке, только потом повернулся к Артёму.

— Медчасть за кухней. Надпись старая, не удивляйтесь.

— Какая надпись?

— «Бытовое обслуживание». В общем, не совсем неправда.

Медчасть оказалась длиннее, чем выглядела снаружи.

За приёмной шёл коридор, от него отходили кабинеты и небольшие палаты. На одном подоконнике сушились вымытые пластиковые подносы. У стены стояли костыли разной высоты, перевязанные шнуром.

Воздух был тёплый, с запахом чистой ткани и лекарств.

Молодой санитар проверил фамилию Артёма.

— Третий кабинет, сейчас позовут. Если после перелёта что-то беспокоит, сразу скажите, не ждите конца осмотра.

В коридоре сидели несколько человек.

У окна пожилая женщина читала письмо мужчине на кушетке. Тот лежал, закрыв глаза, и время от времени просил повторить отдельную фразу.

— Здесь написано, что крышу доделали, — сказала женщина. — А кто помогал, я не разберу. Наверное, сосед, у них же лестница общая.

— Не сосед, — ответил мужчина. — Он бы за лестницу неделю напоминал.

Женщина чуть улыбнулась и продолжила.

Артём сел поодаль.

Письмо было на бумаге — тонкой, сложенной вчетверо. Женщина держала его осторожно, подальше от кружки с водой.

Он смотрел на её пальцы и думал, сколько людей успело перенести этот лист, прежде чем она смогла сесть возле кушетки и рассказать кому-то о починенной крыше.

Дверь третьего кабинета открылась.

Вышел мужчина в расстёгнутой куртке, придерживая ладонью запястье.

Следом показалась врач.

— До вечера этой рукой ничего тяжёлого не поднимать. И если повязка намокнет, придите заменить, а не сушите её на себе.

Мужчина кивнул.

— Я только крепление дотяну.

— Значит, сейчас найдёте того, кто дотянет. Иначе завтра мне придётся объяснять уже ему, почему вас нельзя отправлять обратно.

Она подождала, пока он уйдёт, и посмотрела на Артёма.

— Векшин? Проходите.

Кабинет был небольшой.

Стол, кресло, кушетка, узкий шкаф. На стене висел календарь, в котором несколько дат обвели ручкой. У окна стояла чашка с давно остывшим чаем.

— Лера Соколова, — представилась врач. — Как перенесли перелёт?

— Нормально. Только спал потом без перерыва.

— Для первого дня годится. Садитесь, начнём с вопросов.

Она говорила спокойно, не пытаясь придать голосу особенную мягкость.

Артём отвечал о старых травмах, нагрузках, лекарствах, времени последнего осмотра. Лера уточняла, иногда возвращалась на несколько строк назад, чтобы сопоставить сведения.

Когда дошла до прежней работы, задержалась.

— Спасательная служба. Вы в лётном составе были всё это время?

— В основном. На аварийных объектах выходил с группами.

— И решили перейти в инженерно-штурмовую.

Она подняла глаза.

— Почему?

Артём посмотрел на её руки.

Пальцы лежали на столе свободно. На одном был тонкий след от свежей царапины.

— Здесь требовалась моя квалификация.

— На лётных должностях она тоже требуется.

— Там было другое распределение.

— А вам нужно было именно это?

Подготовленный ответ теперь прозвучал бы заученно. Артём отложил его.

— Я хотел попасть на Рубеж. Через инженерную группу получилось быстрее.

— Обычно люди выбирают путь, по которому отсюда легче вернуться.

— Я не собираюсь оставаться навсегда.

Она отодвинула карточку и попросила поднять руку.

Осмотр продолжился.

На старом шраме возле ключицы Лера задержала взгляд, проверила подвижность плеча, затем заметила ссадину на кисти.

— Это уже местное?

— Вчера в мастерской.

— Тогда обработаем. Песок здесь очень охотно остаётся там, где его не просили.

Она промыла ссадину, наложила небольшую защитную полосу.

Артём следил за её движениями.

Врач выглядела уставшей, но усталость не делала руки медленнее. Просто после каждого законченного действия она на мгновение замирала, будто позволяла себе короткую передышку, незаметную никому, кроме очень внимательного наблюдателя.

— Вы давно здесь? — спросил он.

— Дольше, чем собиралась.

— Тоже приехали ненадолго?

— На одну смену по контракту. Потом осталась ещё на одну. Дальше сроки уже перестали выглядеть такими ясными.

Она проверила отметки.

— Сначала здесь всё чужое. Даже свет, даже запах одежды после улицы. Кажется, что можно выполнить работу и уехать, не забирая с собой ничего лишнего.

Артём молчал.

— А потом приходится хоронить знакомых, — продолжила Лера. — Людей, с которыми утром спорили из-за какой-нибудь ерунды. И война уже не так легко остаётся чужой.

— Вы считаете, из-за этого нужно оставаться?

Она посмотрела прямо.

— Нет. Из-за этого труднее уехать. Но это не означает, что человек обязан остаться.

За дверью кто-то попросил санитарку принести одеяло. Лера прислушалась, затем вернулась к карточке.

Лера ждала, пока он поправит воротник. Его отъезд она не собиралась ни одобрять, ни осуждать, и Артём не сразу нашёл, что сказать.

Она закончила основную часть осмотра.

Пришлось ненадолго выйти в соседний кабинет, сдать образец для проверки, подождать. Когда Артём вернулся, у врача на столе лежал тот самый белый прямоугольник, который выдали вместе с одеждой.

Лера сверила результаты с прежними сведениями.

— Здесь всё совпадает.

Она аккуратно нанесла обозначение.

O(I) Rh—.

Подождала, пока краска подсохнет, и положила ткань перед ним.

— Это помогает при первичной сортировке, если электронная метка не читается или оборудование недоступно. Группу видно сразу, но перед переливанием всё равно проверяем совместимость. Надпись на рукаве не заменяет анализ.

Артём кивнул.

— Понятно.

— И если куртку меняете, не переставляйте чужую нашивку на свою. Лучше прийти сюда и сделать новую.

Лера говорила серьёзно; похоже, ей уже приходилось объяснять это после чужой ошибки.

Артём достал иглу.

Нитка несколько раз прошла мимо ушка. Наконец получилось, но первый стежок лёг слишком близко к краю.

Лера посмотрела на рукав у него на коленях.

— Снимите куртку. Вы сейчас половину складок пришьёте друг к другу.

Он снял.

Ткань расправилась, но рукав всё равно перекручивался в руках.

— На выданном месте обычно проще, — сказала Лера. — Давайте покажу.

Она взяла куртку, положила на край стола и выровняла белый прямоугольник.

Артём сел чуть ближе.

Из коробки у стены Лера достала напёрсток, маленькие ножницы и катушку.

— Здесь у вас целая мастерская.

— В основном для людей, которым почему-то легче починить двигатель, чем пришить пуговицу.

— Двигатель хотя бы не надо придерживать двумя пальцами.

— Зато от пуговицы редко бывает столько неприятностей.

Она улыбнулась, и лицо заметно изменилось. Стало моложе, мягче, будто исчезла одна из теней, лежавших под глазами.

Лера распустила неудачный стежок.

— Сильно затягивать не нужно. Иначе ткань соберётся, потом начнёт натирать.

Она сделала несколько ровных стежков, повернула рукав.

Артём смотрел на её руки.

Сначала он воспринимал нашивку как ещё один пункт выдачи. Теперь, пока Лера держала его куртку, белая ткань постепенно меняла смысл.

Кто-то должен будет увидеть эти буквы.

Может быть, в темноте, когда он сам ничего не сможет сказать.

У этой мысли не было особенной торжественности. От неё просто стало неуютно, как от заранее подписанной вещи, которую однажды могут вернуть вместо человека.

Лера, не поднимая глаз, сказала:

— Не думайте о ней больше, чем нужно. У нас люди иногда после выдачи ходят так, будто им срок сообщили.

— Заметно?

— По тому, как вы сейчас смотрите, да.

Он усмехнулся.

— На гражданской службе всё было в метке.

— Здесь тоже есть. Просто нашивке не требуется питание.

Она передала ему иглу.

— Теперь закончите сами. В следующий раз меня рядом может не оказаться.

Артём продолжил шов.

После её начала всё пошло легче.

За дверью снова раздался кашель. Лера прислушалась, встала.

— Я на минуту. Закрепите нитку, только узел огромный не делайте.

Оставшись один, Артём прошил последнюю сторону.

Белый прямоугольник получился чуть неровным. Один угол смотрел выше другого, но обозначение читалось ясно.

Он положил куртку на колени.

Вдруг вспомнилось, как Кирилл когда-то пришивал оторванный карман на походных брюках. Закончил, потянул за ткань и обнаружил, что зашил сам вход.

Брат тогда долго пытался доказать, что так даже надёжнее.

Артём достал коммуникатор.

Фотографию открыл не сразу. Несколько мгновений смотрел на перечень сохранённых файлов, где рядом стояли обычные снимки, рабочие заметки и короткое сообщение, ради которого он оказался здесь.

Потом выбрал изображение Кирилла.

Тот стоял возле контейнеров, в расстёгнутой куртке, с чашкой в руке. Щурился от света. На груди виднелась эмблема экспедиции.

Лера вернулась, когда Артём ещё смотрел на экран.

— Ваши? — спросила она.

— Брат.

Он повернул прибор.

Она наклонилась.

Взгляд задержался на куртке.

— Увеличьте, пожалуйста, слева. Здесь, возле застёжки.

Артём раздвинул изображение.

Синий знак в белом круге стал отчётливее.

Лера выпрямилась.

— Я видела эту эмблему.

Артём почувствовал, как пальцы сильнее сжали прибор.

— Здесь?

— Да. На снаряжении. И в сообщениях о гражданских врачах.

— Это экспедиция, которая не дошла до площадки.

Он произнёс слова ровно, хотя сердце уже билось иначе.

Лера снова посмотрела на снимок.

— Я знаю, о какой вы.

— Её участников видели живыми?

— Были такие сведения. Но не все я могу подтвердить.

Артём увеличил лицо Кирилла.

— Его вы встречали?

На этот раз она смотрела долго.

Он следил за каждым изменением её лица, ненавидя себя за это внимание и не умея его остановить.

Наконец Лера покачала головой.

— Не помню. Говорить, что видела, не стану.

Артём опустил прибор.

За стеной кто-то засмеялся, потом смех перешёл в кашель.

Он поймал себя на том, что слушает этот кашель, лишь бы не услышать собственный следующий вопрос.

Лера села.

— Когда вы получили последние достоверные сведения?

Артём помедлил.

— После катастрофы официально ничего не подтвердили.

Она ждала.

Он не сказал о сообщении.

— Сейчас пытаюсь выяснить, что произошло.

Лера посмотрела на него уже иначе. Не с подозрением — скорее осторожно, понимая, что один ответ он намеренно оставил неполным.

— У меня нет списка всех выживших, — сказала она. — Сюда попадали отдельные вещи, медикаменты, иногда рассказы людей из тех районов. Куртка могла сменить владельца. Фамилию могли перепутать.

— Я понимаю.

— Я говорю это не потому, что считаю поиски бессмысленными.

Он поднял глаза.

— Тогда почему?

— Потому что, когда ищешь одного человека, любое совпадение начинает казаться ответом. А потом за него очень дорого платишь.

Артём закрыл снимок.

Он слышал похожие слова прежде, но здесь они прозвучали без желания отговорить.

Лера кивнула на коммуникатор.

— Если будет что-то определённое, я вам скажу. Но обещать, что найду сведения, не могу.

— Спасибо, что посмотрели. Я понимаю, у вас и без меня дел хватает.

Лера хотела возразить, но только придвинула к себе куртку.

Взяла куртку, проверила шов, обрезала лишнюю нитку.

— Нормально. На работу годится.

Артём надел её.

Нашивка оказалась заметнее, чем он ожидал. На тёмной ткани белый прямоугольник почти светился.

Он опустил руку.

Лера вернула карточку.

— По приёмному осмотру ограничений нет. Сегодня без лишней нагрузки и обязательно поесть до работы.

— Это тоже видно?

— Вы смотрели на мой стол так, будто на нём должно лежать что-то съедобное.

Артём улыбнулся.

Выйдя в коридор, он не сразу пошёл к двери.

Возле окна сидел молодой мужчина с перевязанной кистью. На коленях у него лежали письмо и конверт. Он пытался сложить бумагу одной рукой, но каждый раз край уходил в сторону.

Артём остановился.

— Помочь?

Мужчина поднял голову.

— Если не трудно. Мне сказали, сегодня ещё примут. А я всё мну, потом мать решит, что опять в последний момент писал.

Артём взял лист, стараясь не смотреть на текст.

Увидел только одну строчку.

«Ты из-за руки не пугайся, я могу почти всё».

Он аккуратно совместил края, вложил письмо.

— Закрывать?

— Да. Только этот угол прижмите, он уже отлипал.

Артём провёл пальцем по клапану.

Мужчина осторожно убрал конверт за пазуху.

— Голосом проще, конечно. Но ей бумага нужна. Она говорит, по почерку слышит лучше.

— Наверное, так и есть.

— Поэтому я и стараюсь ровнее.

Он усмехнулся и показал здоровую руку.

Артём кивнул.

У выхода стоял ящик для отправок. Под ним была прикреплена табличка о том, что сроки доставки не гарантируются.

Пожилая женщина, читавшая письмо возле кушетки, медленно складывала свой лист.

Мужчина спал.

Она ещё немного посидела рядом, потом осторожно поправила край его одеяла.

Артём вышел во двор.

Свет стал резче, ветер гнал по дорожке мелкий песок.

Из кухни пахло супом. Двое рабочих переносили пустые баки, переговариваясь через плечо. У стены девушка чистила щёткой детские ботинки.

Он увидел, как много здесь обычного.

Ещё вчера гарнизон казался ему прежде всего средством добраться до нужного района: ворота, командование, транспорт, выходы.

Теперь между этими вещами проступали чужие дни.

Надо было чинить обувь, набирать воду, успевать к отправке писем. Кто-то ждал горячего душа, кто-то — результата перевязки, кто-то пытался вырастить лук в банке из-под консервов.

Артём остановился у поворота.

Ему стало неловко оттого, как мало всё это интересовало его до сегодняшнего утра.

После обеда они с Сашей спустились во внутренний распределитель.

Под потолком шла широкая труба, на стенах блестела влага. В нескольких местах бетон был свежим, светлее остального. Возле старого соединения стоял поддон.

Работа оказалась спокойной и требовала внимания.

Артём осмотрел крепления, проверил доступ к нижним узлам, прошёл по узкой галерее к аварийному выходу.

Здесь его прежний опыт снова стал на место.

Можно было измерить зазор, увидеть смещение, сравнить отметки. Ничего не требовалось угадывать по чужому лицу.

Саша записывал.

— Вот это меняли недавно, — сказал он, показывая на опору.

Артём присел.

Свежий крепёж держал старую раму. На бетоне рядом тянулась тонкая трещина.

— Саму раму после замены проверяли под полной нагрузкой?

— Только на половине. Горин не разрешил больше, пока основание не посмотрят.

— Правильно сделал.

Он провёл пальцем рядом с трещиной, посмотрел на оставленную отметку.

За сутки та не разошлась.

Они составили перечень работ, отдельно указали, что потребуется до увеличения подачи.

Когда поднялись наверх, Саша заметил нашивку.

— Уже пришили?

Артём повернул руку.

— В медчасти начали. Я закончил.

— У меня сначала слишком низко получилось, потом край оторвал. Последний раз помогли, теперь держится.

Он показал свой рукав.

Небольшие аккуратные стежки шли почти вплотную друг к другу.

— У вас лучше, — признал Артём.

— Зато я потом полдня ходил, стараясь ничего не задеть. Как будто до этого рукавов не было.

У выхода их встретил Горин.

Он выслушал замечания, уточнил состояние основания и попросил пока не повышать нагрузку.

На Артёмову нашивку посмотрел коротко.

— Осмотр прошли?

— Да.

— Тогда завтра получите полный комплект. Сегодня ещё раз посмотрите, что вам выдали, чтобы на выходе не выяснилось, что застёжка не держит или перчатки не ваши.

Разговор занял несколько минут.

Ни о поселении шесть, ни о дальней линии Артём не спросил.

Ему стоило усилия промолчать, но он понимал: один день здесь ещё ничего не даёт.

Вечером у водораздаточной уже не было очереди.

Пустые ёмкости стояли на деревянных рейках. Дежурный промывал площадку, направляя тонкую струю в сток.

Артём задержался у края дорожки.

Вода бежала между трещинами, подхватывала песок, ненадолго делала его тёмным. Потом поверхность снова светлела.

На соседнем крыльце двое читали одно письмо. Старший держал экран, младший всё время пытался заглянуть ближе.

Из окна мастерской доносился знакомый голос Лыткина.

Артём зашёл.

Механик сидел на низкой тележке возле разобранного тягача. На лбу была полоска смазки, в руках — деталь с выработанной кромкой.

— Ну что, освоились? — спросил он.

— Понемногу. Вас уже работой обеспечили?

Лыткин поднял деталь.

— Здесь, кажется, раньше старались ремонтировать верой. Железо перестало соглашаться.

Он отложил её, вытер руки.

На его рукаве тоже белела нашивка.

Артём заметил, как Лыткин несколько раз машинально поправил край.

— С женой связались?

— Коротко. Написала, что всё хорошо. Значит, волнуется.

Он улыбнулся.

— Когда действительно хорошо, у неё всегда некогда.

Из кармана появился небольшой снимок. Женщина сидела у садового стола, придерживая ладонью волосы.

Артём посмотрел.

— Сами снимали?

— Сын. Я бы сказал, чтобы в камеру смотрела. Он уверяет, так лучше.

Лыткин убрал фотографию.

Они поговорили о местном инструменте, о песке в направляющих, о том, что привычные запчасти здесь часто существуют только в названии.

Перед уходом механик сказал:

— Если понадобится что-нибудь нестандартное, заходите. У нас уже половина деталей собственного сочинения.

Артём пообещал.

Когда он вернулся в комнату, Дёмин чинил застёжку на сумке.

Осипов лежал поверх одеяла со справочником, который Артём видел ещё вчера.

Банка с луком стояла теперь ближе к стеклу, на сложенной ткани.

— Это чтобы не замёрз? — спросил Артём.

Дёмин поднял голову.

— Чтобы Осипов не переставил к себе. Он говорит, там солнце лучше.

— Там действительно лучше, — ответил Осипов, не отрываясь от книги. — Но я уступаю человеку, который разговаривает с рассадой.

— Я проверяю, растёт ли.

— По ответу?

Дёмин покачал головой и вернулся к застёжке.

Артём повесил куртку на спинку стула.

Осипов взглянул на белую ткань.

— Всё прошли?

— Всё.

— Тогда завтра легче будет. Первый день больше по кабинетам ходишь, чем работаешь.

Артём сел на койку.

Усталость понемногу разливалась по телу. Он не сделал ничего особенно тяжёлого, но к вечеру хотелось молчать и никуда больше не идти.

Он достал коммуникатор.

Открыл сообщение старому товарищу по спасательной службе — единственному, кому рассказал о своей поездке достаточно, чтобы не придумывать объяснений.

Написал, что добрался. Что назначение подтвердили. Что сведения о районе есть.

Последнюю фразу перечитал несколько раз.

Потом добавил: «Пока сам разберусь. Если долго не будет связи, это ещё ничего не означает».

Вспомнил письмо мужчины с перевязанной рукой и стёр последние слова.

Вместо них написал: «Буду сообщать при возможности».

Так было честнее.

Сообщение ушло в очередь на отправку.

Дёмин уже закончил с сумкой и осторожно проверял застёжку.

— Получилось? — спросил Артём.

— Если сильно не дёргать, да.

— Тогда, может, лучше ещё раз?

Дёмин посмотрел на него, вздохнул и снова взял инструмент.

— Вот поэтому при свидетелях работать не люблю.

Осипов негромко засмеялся.

Позже Артём успел в душ.

Горячая вода текла тонко, но он постоял под ней дольше, чем собирался. Когда вернулся, в комнате горела только лампа у двери.

Дёмин спал.

Осипов сидел, прислонившись спиной к стене, и что-то записывал в маленькую тетрадь.

Артём не стал смотреть.

Лёг, укрылся.

На стуле темнела куртка. Нашивка была повёрнута наружу.

Он вспомнил Леру — как она сказала, что на рукаве недостаточно одной надписи, как внимательно рассматривала лицо Кирилла, как не стала вытягивать из него то, что он не захотел рассказать.

Её осторожность не обидела.

За время поисков Артём успел устать от надежды, которую давали люди, не собираясь за неё отвечать.

Лера не дала такой надежды.

И всё же после разговора с ней ему было немного легче.

Он перевернулся на бок.

За стеной кто-то прошёл по коридору, постоял у двери соседней комнаты и пошёл дальше. Во дворе остановилась машина. Потом звуки постепенно стихли.

Артём ещё некоторое время видел перед собой схему района.

Не всю — только участок за последним постоянным постом.

Он пробовал представить, как выглядит дорога. Где мог идти Кирилл, на чём ехал, с кем разговаривал.

Но воображение слишком охотно подставляло знакомые земные места.

Брат возникал то у старого моста, то на дороге к морю, то возле их дома.

Наконец Артём перестал заставлять себя искать правильное изображение.

Сон пришёл тихо, почти незаметно.

Разбудило его ощущение движения.

Не рядом с кроватью — дальше.

Будто что-то большое и тяжёлое медленно прошло за стеной, остановилось, а потом потянулось обратно.

Артём не сразу открыл глаза.

В полусне звук оказался знакомым. Он лежал, прислушиваясь к нему, и почему-то думал о холодном утре у северного берега. О мокрых камнях, о свитере, который Кирилл оставил на песке слишком близко к воде.

Потом понял, что находится не там.

В комнате было темно.

Тонкая полоска света лежала под дверью. Дёмин дышал ровно, без храпа.

Артём повернулся на спину.

Шум повторился.

Сначала широкий, мягкий накат.

Затем короткая пауза.

Потом — дробное шуршание, сухое и удивительно отчётливое.

Галька.

Он сел.

Равнина за окном оставалась чёрной. Вентиляция не работала, дверца шкафа была закрыта. На столе неподвижно стояли кружки.

Никакой причины для этого звука в комнате не было.

Артём прислушался внимательнее.

Вода словно накатывала где-то совсем близко, за дверью или под полом. При этом нельзя было уверенно сказать, откуда именно она идёт. Стоило повернуть голову, и направление менялось.

Он вспомнил дневную раздачу.

Может быть, промывали резервуар. Или ночью включили насосы.

Но у работающего насоса был бы ритм, вибрация, металлический отзвук. Здесь слышалось другое.

Волна подходила к берегу, задерживалась и уходила, перебирая мелкие камни.

Артём спустил ноги.

Пол оказался холодным.

На соседней койке шевельнулся Осипов.

— Вытяжку включите, — сказал он негромко.

Артём повернулся.

— Вы не спите?

— Теперь нет. Выключатель у двери, нижний. Верхний свет не трогайте.

Артём поднялся.

На несколько мгновений прибор стал слабее. Потом откуда-то из-за шкафа донёсся новый накат.

Он остановился посреди комнаты.

— Что это?

Осипов не ответил сразу.

Артём видел только его лицо, повёрнутое к нему, и белую полосу одеяла на груди.

— Включите, — повторил сосед. — Так легче уснуть.

Артём дошёл до двери и нажал нижний выключатель.

В стене щёлкнуло, затем загудел вентилятор. Воздух пошёл через решётку неровно, с коротким присвистом.

Шум воды на миг проступил под этим звуком — или Артёму только показалось.

Потом исчез.

Осталась обычная комната с четырьмя койками, чужими вещами и маленькой банкой на подоконнике.

Артём посмотрел на дверь.

Ему хотелось открыть её.

Там должны были оказаться коридор, лампа и стёртая дорожка покрытия. Ему нужно было увидеть их.

Он уже положил ладонь на ручку, когда Осипов сказал:

— Там ничего не разлилось.

Артём обернулся.

— Я ещё не спрашивал.

Осипов сел, опустив ноги на пол.

Некоторое время он молчал. Артём различал теперь усталые глаза и глубокую складку возле рта.

— Завтра рано вставать, — сказал Осипов. — Ложитесь. К вытяжке быстро привыкаешь.

— Это не она шумела.

— Знаю.

От спокойствия, с которым сосед произнёс это слово, стало неуютнее.

Артём убрал руку с двери.

— Днём я был в распределителе. Там нет ничего, что могло бы так звучать.

Осипов потёр ладонью затылок.

— Может быть, нет.

— Вы слышите воду?

За стеной ровно вращался вентилятор.

Дёмин вздохнул во сне, что-то неразборчиво сказал и затих.

Осипов посмотрел в сторону окна.

— Ложитесь, Артём. Сегодня больше ничего полезного не выясните.

Артём остался стоять.

— Но откуда здесь море?

Осипов поднял на него глаза.

— Здесь лучше не начинать его слушать.

Глава III. Движущийся огонь

Утром море исчезло.

За стеной гудела вытяжка, по коридору шли люди, во дворе долго пытались завести тяжёлую машину. Стартер включался с равными промежутками, двигатель схватывал и снова замолкал. Когда наконец заработал, кто-то внизу одобрительно ударил ладонью по борту.

Артём лежал с открытыми глазами и слушал.

Каждому звуку находилось место.

Шаги приближались к двери, удалялись к лестнице. Вода в умывальной проходила по трубе с коротким дрожанием. Дёмин, сидевший на соседней койке, вытряхивал из ботинка что-то мелкое.

Ночного прибоя среди этих звуков не было.

Осипов уже оделся. Он стоял у окна, осторожно поворачивая банку с луком другой стороной к свету.

Артём выключил вытяжку.

За окном ветер провёл по стеклу мелким песком.

— Не замёрзли? — спросил Осипов. — У вытяжки заслонка заедает, иногда слишком тянет.

— Нет, спасибо. Ночью даже не заметил холода.

Он поставил банку на сложенную ткань и отошёл.

Артём посмотрел ему вслед.

Можно было спросить ещё раз. При дневном свете разговор, наверное, получился бы другим. Исчезли бы темнота, паузы, странная осторожность, с которой сосед советовал не прислушиваться.

Но Осипов уже проверял карманы, и Артём понял, что тот не собирается возвращаться к ночи.

Дёмин поднял ботинок к глазам.

— Вот теперь я знаю, куда у нас девается песок с дорожек. Можно сообщить начальству, что решение найдено.

Он высыпал последнюю порцию в маленькую коробку под стулом.

Осипов посмотрел на часы.

— Собирайтесь, Векшин. Сегодня дальше пойдём. Ремезов уже забегал, сказал, у вас комплект на выдаче.

Артём встал.

На спинке стула висела куртка. Белая нашивка за ночь немного загнулась по краю. Он расправил её ладонью и оделся.

Почти сразу стало легче.

Снаряжение, порядок действий, время выхода — всё это возвращало привычную последовательность. Ночью он не мог понять, что слышит. Утром от него требовалось понять, что взять с собой.

В мастерской Саша раскладывал содержимое двух открытых ящиков.

Камера, которую они чинили позавчера, лежала отдельно, возле катушки кабеля. Рядом стояли переносные осветители, складные распорки и небольшой прибор проверки воздуха.

— Доброе утро, — сказал связист. — Горин велел не нагружать вас всем сразу. Поэтому я оставил только то, что точно понадобится, и ещё несколько вещей на случай, если он ошибается.

— А Горин знает, сколько вы взяли на всякий случай?

— Думаю, догадывается. Иначе сам бы проверил, — ответил Саша.

Саша подвинул Артёму защитный жилет.

Тот примерил, отрегулировал крепления, несколько раз поднял руки. Жилет не мешал, но на плечах сразу прибавилось веса.

Оружие выдали здесь же, после проверки и короткого инструктажа. Артём осмотрел его молча. Всё было знакомым по подготовке, хотя сам факт, что теперь автомат придётся нести на настоящую работу, воспринимался иначе.

На спасательных операциях оружие обычно оставалось у охраны.

Он привык смотреть на повреждение, думать о людях внутри, оценивать конструкцию.

Здесь приходилось помнить ещё и о тех, кто мог находиться по другую сторону стены.

Саша заметил, как он проверяет ремень.

— Его лучше чуть короче. В проходах меньше цепляется.

Артём подтянул.

Связист не стал объяснять дальше.

Во дворе их ждал Горин.

Рядом стояли Дёмин, Осипов и водитель по фамилии Круглов — невысокий мужчина с покрасневшими от ветра глазами. Он держал в руках кружку и допивал на ходу, прежде чем убрать её в кабину.

Горин развернул схему на борту машины.

— Насосная на старом восточном водоводе. Прямой подачи оттуда сейчас нет, но нужно проверить резервный контур и проход к кабельной галерее. Если состояние позволит, позже заведём бригаду.

Артём наклонился над схемой.

Основной корпус, машинный зал, пристройка, линия подземных коммуникаций.

— Верхнее перекрытие повреждено, — продолжил Горин. — Последний осмотр был снаружи. Внутрь не лезем, пока Векшин не посмотрит. Наша задача сегодня — вернуться с понятным заключением, а не любой ценой включить насос.

Он указал на дорогу.

— До старого поворота идём на машине. Дальше по обстановке. Маршрут проверенный, но после ветра ориентиры могли закрыться. Дёмин, передний сектор. Осипов, за тылом смотрите. Ремезов — связь и оборудование.

Горин повернулся к Артёму.

— По сооружению говорите прямо. Не нравится — останавливаемся. Объясните почему, и будем искать другой вариант.

— Понял.

На миг Артёму захотелось спросить о линии Ю-17.

Кабельная галерея на схеме уходила в ту же сторону, где находилось поселение шесть.

Но он удержался.

Задача была перед ним. Если начать искать в ней только дорогу к брату, можно пропустить что-нибудь совсем близкое.

Машина вышла из гарнизона вскоре после завтрака.

У ворот проверили состав группы. Часовой заглянул в кузов, сверил отметки и отошёл к ограждению.

За ним начиналась дорога.

Артём поймал себя на том, что смотрит не вперёд, а назад — на медленно закрывающиеся ворота.

Ещё вчера они мешали выйти.

Теперь, когда машина миновала их, ворота неожиданно показались последним местом, где происходящее можно было считать устроенным.

Дорога шла между пологими возвышенностями. Здесь песок лежал тоньше, из-под него выступало твёрдое серое покрытие. В трещинах росли низкие растения с красноватыми стеблями. Ветер пригибал их, и они почти исчезали, пока не выпрямлялись снова.

Дёмин сидел возле борта, положив ладонь на оружие.

Осипов смотрел назад.

Саша держал на коленях закрытый ящик, придерживая его ремнём.

Разговаривали мало.

Артём узнавал некоторые места по вчерашней схеме: развилка, разрушенная опора линии, длинная насыпь бывшей грузовой ветки. Но с земли всё казалось сложнее. Небольшая на карте складка местности закрывала полгоризонта. Прямой участок дороги неожиданно упирался в провал, который объезжали по старой колее.

На обочине стояла гражданская машина.

У неё были сняты колёса. На лобовом стекле сохранилась полоска выцветших наклеек, а в салоне, на заднем сиденье, лежало детское кресло.

Артём отвёл взгляд не сразу.

Дальше начинался посёлок.

Не тот, который он искал.

Несколько домов, длинное складское здание и башня водосборника. У одной стены кто-то сложил кирпичи правильными небольшими стопками. Возле другого дома росло дерево, ветви которого были обвязаны светлой тканью.

— Здесь живут? — спросил Артём.

Осипов посмотрел в ту сторону.

— В двух дворах точно. Остальные приезжают, когда дорога открыта. Разбирают, что можно использовать.

Между домами показался человек с тачкой.

Он остановился, пропуская машину, поднял руку.

Дёмин ответил коротким движением.

Круглов сбросил скорость, чтобы не обдать его пылью.

Потом дома остались позади.

Равнина раскрылась широко, почти до самого горизонта. По ней двигались низкие светлые полосы. Иногда они сходились, становились плотнее, и тогда казалось, что впереди лежит мелкая вода.

Артём смотрел на этот обман зрения с неприязненным вниманием.

Саша заметил.

— Здесь с утра так часто. Солнце поднимется, станет проще.

Он произнёс это обыкновенно, без намёка, и Артём не стал спрашивать, что именно связист решил объяснить.

Горин постучал в перегородку.

Машина остановилась за насыпью.

Отсюда до насосной оставалось несколько сотен метров.

Здание стояло в неглубокой впадине, за рядом чёрных деревьев. Одноэтажная пристройка прилепилась к высокому машинному залу. В верхней части стены зияла пробоина, через которую виднелись погнутые балки.

На площадке перед входом лежало сорванное ограждение.

Ни людей, ни движения.

Круглов развернул машину для обратного выхода и заглушил двигатель.

Тишина оказалась неполной. Где-то тонко посвистывало в металле, сухие листья цеплялись друг за друга.

Дёмин и Осипов пошли первыми, не торопясь.

Артём взял комплект обследования.

Вес распределился неудобно; он переложил часть на другой ремень и догнал Горина.

Чем ближе они подходили, тем яснее становилось, что повреждение здесь было не одно.

Старый удар вскрыл верх стены. Позднее осело перекрытие пристройки. Потом вода или мороз раздвинули трещину у основания.

Сооружение разрушалось постепенно, и каждое новое повреждение опиралось на предыдущее.

У входа Дёмин остановился.

Горин поднял ладонь.

Все замерли.

Артём слышал лёгкое постукивание.

Внутри, за тёмным проёмом, с равными промежутками что-то касалось металла.

Несколько секунд он прислушивался, потом увидел причину.

У сорванной двери осталась нижняя петля. Ветер приподнимал край полотна, отпускал, и тот ударял по порогу.

Горин тоже заметил.

— Векшин, смотрите. Остальные на своих местах.

Артём подошёл к стене, не заходя под повреждённую часть.

Краска на бетоне отслоилась широкими лепестками. Под ними проступала сетка мелких трещин. Возле входа лежали свежие осколки: грани ещё не успели покрыться пылью.

Он поднял голову.

Над дверью выступал конец балки, удерживавший часть плиты. С наружной стороны казалось, что плита лежит ровно. Но нижний край был прижат к перекошенной раме.

Артём осторожно сменил положение.

Теперь увидел зазор.

— Здесь внутрь не пойдём, — сказал он.

Горин подошёл ближе, но остался вне навеса.

— Что держит?

— Остаток балки и эта рама. Если дверь сдвинуть или дать лишнюю нагрузку, может опуститься плита. Причём не обязательно сразу.

Он показал.

Капитан посмотрел.

— Другой вход?

— Давайте сначала камерой. По схеме за стеной должен быть проход в машинный зал.

Саша уже раскрывал ящик.

Гибкий кабель лёг на землю тёмными витками. Артём закрепил камеру на направляющей, осторожно подал в щель сбоку от двери.

Экран засветился.

Сначала видны были только пыль и обломки. Потом угол помещения, опрокинутый металлический шкаф, кусок лестницы.

Артём повернул головку.

За рамой действительно лежала плита.

Её край уже сдвинулся с опоры.

Саша негромко выдохнул.

— Хорошо, что сразу не толкнули.

Горин не ответил. Он смотрел на экран.

Артём провёл камеру дальше.

Путь в машинный зал был завален, но боковая стена сохранилась. Возле пола виднелся прямоугольный проём с остатками решётки.

На схеме он обозначался как вентиляционный.

Для человека тесно.

Для осмотра достаточно.

С другой стороны здания нашёлся служебный спуск.

Его почти занесло песком и сухими листьями. Наружная дверь покосилась, но над ней не было тяжёлого навеса. Стена стояла ровно.

Артём осмотрел крепления, проверил пространство камерой и прибором.

Здесь можно было спуститься.

Внизу пахло холодной ржавчиной.

Свет фонаря выхватил ступени, узкую площадку, старую табличку с направлением к галерее.

Артём задержался на последней ступени.

Нижний проход был затоплен.

Вода стояла неглубоко, но под мутной поверхностью нельзя было разглядеть пол.

Он направил луч вдоль стены.

Из тёмной воды поднимались ножки металлических стоек. На одной держалась порванная ткань.

У дальнего конца прохода висел светлый кусок изоляции.

В первый миг он напомнил рукав.

Артём заставил себя посмотреть ещё раз.

Просто изоляция.

Вода под ней была неподвижна.

— Что там? — спросил сверху Горин.

— Галерея. Нужен осмотр дна и креплений. Пока не спускайтесь.

Он подал камеру ниже.

Под поверхностью обнаружились кабельные лотки, обломки штукатурки и открытый приямок возле стены.

Если идти на ощупь, туда легко было попасть ногой.

Саша, стоявший за его спиной, посмотрел на изображение.

— По старой схеме он закрыт.

— Был закрыт.

Артём перевёл камеру.

У противоположной стены тянулся узкий сухой выступ. Выше шла труба с частично сохранившимися креплениями. Использовать её как опору было нельзя, но за ней виднелись бетонные стойки.

Он попросил Горина дать время.

Они не собирались превращать обследование в полноценный ремонт. Нужно было пройти к нижнему входу машинного зала, проверить резервный контур и кабельную галерею, не рискуя под неустойчивым перекрытием.

Артём выбрал участок, где можно было установить временный настил.

Работали медленно.

Сначала убрали то, что мешало подходу. Потом закрепили переносную опору на сохранившемся основании. Проверили каждое соединение, осветили опасный участок.

Горин помогал, когда требовались руки, и не торопил.

Артёму часто приходилось объяснять, почему он медлит над обломками. Горин молча ждал результата осмотра.

Здесь капитан понимал разницу между задержкой и осторожностью.

Первым прошёл Артём.

Под ногами слегка прогнулся настил. Он остановился, дал конструкции принять вес, затем двинулся дальше.

В середине прохода из темноты донёсся короткий стон металла.

Не человеческий — длинный, с дребезжанием на конце.

Артём поднял руку.

Саша застыл у начала перехода.

Горин остался на ступенях.

Несколько мгновений Артём стоял, слушая.

Сверху, через повреждённую часть здания, ветер входил в машинный зал. Он раскачивал что-то тяжёлое, висевшее на одном креплении.

Звук повторился.

По воде пошли мелкие круги.

Артём повернул фонарь вверх.

За проёмом, в глубине машинного зала, медленно двигался обрывок кабельного подвеса. На нём держалась часть осветительной фермы.

— Не от настила, — сказал он. — Но под этой частью зала стоять нельзя.

Горин посмотрел на него.

— До нижней площадки дойдём?

— Да. Дальше только справа, под целым перекрытием.

Они прошли.

На противоположной стороне оказалось сухо. Стена здесь сохранила прочность, входная рама не была смещена.

Артём закрепил предупреждающую ленту у опасного направления.

Лишь после этого позволил себе оглядеться.

Машинный зал уходил вверх на два этажа.

Большие насосы стояли вдоль продольной стены, покрытые пылью и тонкими потёками. У одного сняли кожух, у другого отсутствовал привод. На площадке возле пульта лежала раскрытая жестяная коробка с крепежом.

Кто-то когда-то собирался закончить работу.

На перекошенной полке стояла чашка.

Внутри скопился серый песок.

Артём смотрел на неё дольше, чем следовало.

Такие вещи он видел на аварийных объектах постоянно. Они не рассказывали, что произошло с человеком. Иногда человек просто уходил, оставляя чашку, и потом забывал о ней.

Но воображение всегда выбирало худшее.

Саша включил переносной свет.

Зал перестал быть единым тёмным пространством. Появились отдельные детали, расстояния, границы.

Горин связался с оставшимися снаружи.

Дёмин сообщил, что площадка спокойна.

Осипов попросил уточнить время.

— Пока без изменений, — ответил капитан. — Работаем по обследованию. Если что-то появится, не ждите, сразу доклад.

Артём занялся резервным контуром.

Он не был специалистом по этому насосу и не пытался им казаться. Проверял то, за что мог отвечать: доступ, крепления, состояние опор, безопасные места для дальнейших работ.

На линии резервного питания сохранилась заводская маркировка. Повреждённый участок можно было обойти временным кабелем, но до включения требовалась отдельная проверка.

Артём указал это в заключении.

Саша осматривал шкаф связи.

Он осторожно снял крышку, посветил внутрь.

— Часть старой линии ещё на месте.

Горин подошёл.

— Живая?

— Питания здесь нет. По кабелю пока не скажу. Могу проверить участок до соседнего узла, если дадите время.

— Сколько?

Саша посмотрел на оборудование.

— На саму проверку немного. Если придётся разбирать переход, дольше.

Капитан кивнул.

— Пробуйте. Только ничего не включать, пока Векшин не закончит с повреждённой частью.

Артём продолжал работу.

Через пробойину высоко над ними двигались облака. Иногда становилось светлее, потом снова темнело. На полу лежала узкая полоса неба, и по ней проплывала пыль.

Холод постепенно добрался под одежду.

Он вспомнил тёплый кабинет медчасти, коробку с нитками, спокойные руки Леры.

Здесь белая нашивка выглядела иначе.

Не предметом, который только что пришили, а частью снаряжения, рассчитанной на то, что обычный порядок может нарушиться.

Артём поправил ремень и вернулся к опоре.

Около полудня они сделали короткую остановку в нижней пристройке.

Там сохранилась крыша, а ветер не проходил насквозь. Дёмин сменился с Осиповым, сел возле двери, достал еду.

Разговаривали негромко.

Горин изучал снимки повреждений. Саша, не отрываясь от экрана, жевал так сосредоточенно, будто и это входило в настройку прибора.

— Сначала доешьте, — сказал капитан. — Уроните на разъём, сами потом чистить будете.

Саша убрал прибор.

Артём пил тёплую воду из фляги.

За дверью виднелось дерево. Низкая ветка почти касалась земли, а листья поворачивались от каждого порыва.

— Что это за порода? — спросил он.

Дёмин посмотрел.

— Здесь просто чёрным называют. Настоящее имя длинное, я не запомнил. Дрова из него плохие, дымит сильно.

— Зато под ним теплее, — добавил Саша. — Если ветер.

Горин отложил экран.

— На следующий выход узнаете, если опять застрянем с колёсами.

В голосе его была сухая усмешка, и Дёмин кивнул.

— Я тогда говорил, что правее надо. Но меня никто не любит слушать, пока машина ещё едет.

— Мы вас слушали. Поэтому и ехали левее.

Саша засмеялся.

Артём тоже.

На несколько минут помещение стало похоже на обычную ремонтную бытовку. Люди ели, спорили о дороге, грели руки.

Потом Осипов сообщил по связи о движении на дальнем гребне.

Горин сразу встал.

Все разговоры закончились.

Артём убрал флягу и повернулся к выходу.

Через деревья был виден светлый склон. На нём двигались две маленькие тёмные точки.

Капитан смотрел в оптику.

Дёмин стоял чуть в стороне, не закрывая ему обзор.

Минуту ничего не происходило.

Потом точки разошлись.

Одна скрылась за камнями, другая остановилась и стала похожа на низкий куст.

— Местные сборщики, — сказал Горин. — Тележка у них. До площадки не идут.

Он ещё немного подождал, затем опустил оптику.

Разговоры вернулись не сразу.

Артём почувствовал, как напряжение отпускает мышцы спины.

Он не испугался так, как ожидал.

Хуже оказалось другое: насколько быстро два человека на далёком склоне превратились для него в возможные цели.

Он видел слишком мало, чтобы знать о них хоть что-нибудь.

И этого оказалось достаточно, чтобы рука сама легла ближе к оружию.

После остановки закончили обследование.

На входе в машинный зал оставили предупреждение. Проход, который они устроили, годился для осмотра, но не для постоянной работы бригады; требовалось другое решение, более широкое и рассчитанное на нагрузку.

Горин согласился.

Саша сумел проверить часть кабеля.

— До промежуточного колодца проходит, — доложил он. — Дальше затухание большое. Но это может быть соединение, а не разрыв.

— Это по Ю-семнадцать, на старой ветке? — уточнил капитан.

— Да, до промежуточного колодца она держится, — подтвердил Саша.

Артём застегнул пустой чехол слишком медленно.

Горин взглянул на него.

— Есть что добавить?

— Если линия уходит через галерею, здесь надо сначала закрыть повреждённую часть. Иначе бригаде придётся работать под этим подвесом.

— Отметьте отдельно.

Артём кивнул.

Он не спросил, до какого именно узла дошёл сигнал.

Сдержаться оказалось труднее, чем утром.

Они вышли, когда белый свет уже начал смещаться к западному краю равнины.

Насосная за их спинами снова стала молчаливым зданием во впадине. Оставленные следы на песке понемногу расплывались.

Артём посмотрел на вход.

Снаружи по-прежнему было почти невозможно понять, насколько плохо держится плита над дверью.

— Хорошо, что не стали толкать, — сказал рядом Осипов.

Он произнёс это без похвалы, просто отмечая то, что теперь знал.

Артём поправил ремень.

— Там и без нас может уйти.

— Теперь хотя бы не под человеком.

На обратном пути ветер переменился.

Он шёл навстречу, поднимал песок и временами закрывал дорогу низкой светлой пеленой. Круглов снизил скорость.

За поворотом машина остановилась.

Водитель выключил передачу, дождался, пока пыль немного осядет.

Дорога впереди исчезла под наносом.

Неподалёку лежала старая разворотная площадка, защищённая от ветра полукругом насыпи.

Круглов вывел машину туда.

— Объезд посмотрю, — сказал он. — Здесь левый край раньше проседал, сейчас не видно.

Горин сверил время.

До гарнизона оставалось недалеко, но угадывать под песком прочность обочины никто не собирался.

Пока Дёмин и Круглов проверяли короткий обход, остальные разгружали с плеч то, что можно было на несколько минут поставить.

Саша устроился возле колеса.

Артём сел на низкий бетонный блок.

За насыпью расстилалась равнина. Ветер двигал по ней светлые полосы, и там, где они становились прозрачнее, открывалась тёмная земля.

Дальше лежали холмы.

Между ними уходила дорога.

Не эта — другая, отмеченная на схеме тонкой линией, которую Артём уже успел запомнить.

Он попытался определить направление на поселение шесть, но с земли ничего не сходилось так ясно, как на экране.

Горин подошёл и сел на соседний блок.

— Первый выход как?

Артём посмотрел на него.

— По сооружениям понятно. По остальному пока нет.

— Это нормальный ответ.

Капитан расстегнул воротник, потёр шею.

— Когда всё становится понятно сразу, я обычно начинаю волноваться.

Артём хотел сказать что-нибудь о местности, но вместо этого спросил:

— Давно насосную перестали использовать?

— Основной контур — ещё до моего назначения. Потом брали резерв, пока не повредили подачу. Теперь надо вернуть хотя бы часть возможностей.

— Для гарнизона?

— И для ближних домов. Вы очередь утром видели?

Артём кивнул.

— Вот чтобы она короче стала, — сказал Горин.

Он поднялся, услышав вызов Круглова.

Обход оказался пригоден, но требовал обозначить край.

Дёмин вернулся за вехами.

Работа заняла ещё немного времени, и к тому моменту, когда они закончили, облака на западе разошлись.

Свет изменился.

Равнина стала не белой, а бледно-золотой, с длинными холодными тенями. На дальнем гребне проступили отдельные деревья. Сверху, над облаками, открылась глубокая синяя полоса.

Осипов посмотрел туда первым.

— Это у нас что?

Артём поднял голову.

Над горизонтом горела яркая точка.

Она была слишком светлой для обычной звезды в ещё не потемневшем небе. Белая, с едва заметным голубым краем. Сначала казалось, что огонь неподвижен, но Артём выбрал ориентир у края облака и увидел смещение.

Саша тоже смотрел вверх.

— Платформа?

— Нет, — сказал Артём. — Для платформы слишком ярко.

Он встал.

Точка немного изменила блеск. На мгновение рядом с ней проступило слабое вытянутое свечение, почти невидимое в остатках дня.

Артём прищурился.

Сколько раз он сам смотрел на такие огни через приборы или из кабины встречного борта. Тогда за каждым стояли известные параметры, маршрут, вызов диспетчера, положение стыковочного узла.

Здесь огонь просто висел над равниной.

— Большой транспорт, — сказал он. — Двигатели работают.

Круглов вышел из-за машины, поднял голову.

— На орбиту идёт?

— Скорее тормозит на сближении. Он не уходит от нас, смотрите по тому краю облака. И блеск держится ровно.

Горин задержал взгляд на небе.

— Грузовой?

— По одному огню не скажу. Но машина крупная.

Капитан кивнул.

Для него этого оказалось достаточно.

Он вернулся к Круглову, уточнить объезд.

Осипов некоторое время ещё смотрел, потом взял свой комплект.

— Значит, скоро опять колонны к грузовой пойдут, — сказал он.

— Они и так ходят, — ответил Дёмин, убирая вехи.

— Эти, может, хоть что-нибудь привезут.

— Смотря за чем прилетели.

Разговор закончился сам собой.

Людам нужно было возвращаться. Огонь не менял состояния дороги, не делал легче снаряжение, не обещал горячего ужина раньше времени.

Артём остался стоять.

За точкой в небе существовали помещения, переходы, люди на вахте. Кто-то сейчас следил за расходом топлива, проверял температурный режим, держал руку возле органов управления.

Там было время до завершения манёвра.

Был дальнейший путь.

Он вдруг почти физически почувствовал пространство за пределами Рубежа.

Не пустое, не бесконечное, а знакомое по работе: с расстояниями, которые можно пройти, с траекториями, соединяющими одно место с другим.

Последние месяцы всё его движение было направлено сюда.

Станция, транспорт, пересадка, новое назначение, ещё один контроль.

Он так долго добирался до планеты, что почти перестал думать о возможности покинуть её.

Не одному.

Он представил Кирилла в пассажирском кресле.

Брат отворачивается к иллюминатору, скрывая улыбку, потому что Артём снова проверил его ремень. Говорит, что всё прекрасно застёгнуто, и просит хотя бы в этот раз не проводить тренировочную эвакуацию.

Видение было коротким, болезненно ясным.

Артём выдохнул.

Огонь немного сместился.

Отсюда нельзя было увидеть корпус, узнать название, понять, сколько людей он способен взять на борт.

Пока существовала только светлая точка над землёй.

Но впервые небо означало для него не угрозу и не расстояние, отделявшее от дома.

В нём был выход.

— Векшин, — позвал Горин. — Собираемся.

Артём опустил взгляд.

Саша сидел возле колеса, прижав наушник к уху.

На коленях у него лежал приёмный блок.

Лицо изменилось.

Артём заметил это раньше, чем связист поднял руку.

— Товарищ капитан, подождите. На гражданской аварийной передача, очень слабая.

Горин подошёл к связисту.

Он подкрутил регулятор, посмотрел на экран, затем протянул второй наушник капитану.

Артём стоял рядом, не вмешиваясь.

Из маленького наружного динамика просачивались помехи.

Короткий шорох.

Высокий прерывистый тон.

Потом несколько звуков, в которых ещё нельзя было узнать слова.

Саша повернул антенну.

— Это из-за места, — сказал он. — Здесь нас насыпь с той стороны прикрывает, помех меньше. Сейчас попробую удержать.

Горин слушал.

Дёмин перестал укладывать оборудование.

Даже Круглов не полез в кабину, хотя уже держал дверцу.

На экране прошла тонкая линия.

Саша коснулся клавиши записи.

Среди треска вдруг возник голос.

Женский.

— ...гражданский узел... повторяем...

Дальше всё закрыл длинный шорох.

Артём почувствовал, как напряглись мышцы живота.

Он смотрел на приёмник так, будто мог удержать передачу одним вниманием.

— Давно идёт? — спросил Горин.

— Только поймал. Часть может повторяться автоматически, но голос живой или запись короткая, пока не разберу.

Саша передвинул блок, нашёл положение лучше.

— ...шесть... гражданский...

Артём поднял голову.

Никто пока не смотрел на него.

— Это название узла? — спросил капитан.

— Возможно. Подождите, сейчас повторит.

Связист проверил направление.

Огонь транспорта горел у них над плечами. Артём уже не смотрел на него.

Из динамика донёсся короткий сигнал, затем тот же женский голос:

— Гражданский узел. Поселение шесть. Если слышите...

Слова распались.

Но нужное название прозвучало ясно.

Артём медленно снял перчатку.

Ему почему-то потребовалось почувствовать холодный воздух на пальцах.

Саша повторил принятый фрагмент.

Теперь шумов было больше, но название различалось.

Горин посмотрел на схему.

— Направление совпадает?

— В пределах ошибки, да. С того сектора.

— Попробуйте вызвать.

Саша передал короткий запрос.

Подождал.

Ответа не было.

Он повторил, изменив настройку.

Снова только помехи.

Артём слышал, как за его спиной хлопает свободный край крепёжного ремня.

Слишком громко.

Женский голос появился ещё раз, но теперь слов не разобрали вовсе.

— Может быть, слышим их, а они нас нет, — сказал Саша. — Или у них приём на другом канале. Здесь старая сеть, они могли выйти через уцелевший узел.

Горин кивнул.

— Запись сохраните. Направление, время, всё, что приняли.

Он связался с гарнизоном.

Докладывал спокойно: гражданская передача из сектора, источник предположительно в районе старого узла, установить двустороннюю связь не удалось.

Артём слушал каждое слово.

В голосе не было ничего похожего на Кирилла.

Сам голос ещё ничего не доказывал.

В поселении могли жить люди, никогда не видевшие его брата. Передатчик мог стоять совсем в другом месте, сохранив старое обозначение. Сообщение могло быть записью, которую крутили день за днём.

Ещё несколько минут назад у него были только карта и давний пакет. Теперь оттуда кто-то говорил.

Горин закончил доклад.

— Возвращаемся. Из гарнизона продолжают слушать.

— Здесь приём лучше, — сказал Саша. — Я могу ещё минуту...

— Минуту. Потом в машину. Темноты на объезде ждать не будем.

Связист кивнул.

Артём подошёл ближе.

— Передача может идти по той линии, которую сегодня проверяли?

Саша поднял глаза.

— По уцелевшему участку — возможно. Но сейчас мы слышим радио, не сам кабель. Узел мог питаться отдельно и использовать старую антенну.

— Значит, там есть питание.

— По крайней мере, было в момент передачи.

Горин смотрел на Артёма.

Тот заметил это и выпрямился.

Капитан ничего не спросил.

Саша принял ещё один короткий фрагмент, сохранил, затем начал складывать блок. Дёмин помог убрать антенну.

Над горизонтом по-прежнему горела точка.

Артём посмотрел на неё.

В небе находился корабль.

За холмами — место, откуда Кирилл когда-то отправил сообщение.

Между ними пока не было ничего, кроме расстояния и его собственного желания, чтобы всё оказалось связано.

Он заставил себя отвернуться.

В кузове было холоднее, чем утром.

Пока они ждали связи, ветер успел забраться под одежду. Артём затянул воротник, поставил комплект между ног.

Горин сел напротив.

Некоторое время ехали молча.

Потом капитан, не повышая голоса, сказал:

— По возвращении запись уйдёт в разведку. Если подтвердят источник, придётся смотреть узел на месте.

Саша поднял голову.

— По линии Ю-семнадцать?

— Вероятно. Сначала маршрут и обстановка. Сегодня туда никто не пойдёт.

Артём держал ладонь на закрытом ящике.

Он почувствовал, как дёрнулся под пальцами крепёж при очередном толчке машины.

Сказать сейчас означало показать свою заинтересованность.

Промолчать — позволить, чтобы назначили кого-нибудь другого.

Горин посмотрел в сторону дороги.

— Нужны будут связь и обследование здания. Если там передаёт старое оборудование, состояние может быть такое же, как на насосной.

Артём поднял глаза.

— Если подтвердят выход, возьмите меня к передатчику. Я посмотрю проходы и крепления, с Ремезовым по оборудованию уже работали.

Горин повернулся к нему.

Машина шла по обходу медленно. Сквозь щель за капитанским плечом была видна тёмная равнина.

— Вы сегодня первый раз вышли за периметр, Векшин.

— Поэтому и предлагаю идти с вашей группой.

Капитан помолчал.

Артём ждал ответа, удержав уже готовую просьбу.

Горин смотрел внимательно, как в первый день, когда спросил о причинах назначения.

— Вернёмся — обсудим, — сказал он наконец. — До подтверждения задачи это только передача.

— Понимаю.

Артём опустил взгляд на свои руки.

Белая нашивка выступала из-под края ремня.

Он осторожно освободил её, расправил загнутый угол.

За бортом в сгущавшемся небе ещё горел далёкий огонь.

Артём больше не пытался представить, как заберёт брата домой.

Теперь ему нужно было попасть туда, откуда прозвучал голос.

И впервые за всё время поисков он вызвался идти не к месту на карте, а к работающему передатчику, возле которого мог стоять живой человек.

Глава IV. Учебный центр

Перед выходом Горин попросил Артёма остаться.

Остальные уже понесли оборудование к машине. В открытой двери мелькнула спина Саши, затем по коридору прокатился стук жёсткого ящика о перила.

Капитан стоял у рабочего экрана. На нём застыла схема района, поверх которой были нанесены два расходящихся сектора.

— Источник определили не совсем точно, — сказал он. — По направлению совпадает со старым гражданским узлом. Но передача идёт через оборудование, которым раньше пользовалась Северная дирекция.

Артём посмотрел на схему.

Поселение шесть находилось возле внутреннего края одного из секторов.

— Они определили сам передатчик или только ретранслятор?

— Пока не разобрались. Нам и предстоит это выяснить, — ответил Горин.

Горин выключил изображение и повернулся.

— Вчера вы вызвались раньше, чем я закончил говорить о задаче. Хочу понять, чего от вас ждать на месте.

Артём почувствовал знакомое напряжение под рёбрами.

В кабинете было прохладно. От окна тянуло, и край лежавшей на столе схемы едва заметно шевелился.

— Вы сказали, что понадобится обследовать здание. На насосной я уже работал с группой.

— Это я помню.

Капитан посмотрел на его снаряжение.

— Мне нужен человек, который будет видеть то, что перед ним. Если проход опасный, скажет, что опасный. Если внутри кто-то есть, не решит самостоятельно выяснить, кто именно.

— Я понял.

— Хорошо. Тогда договоримся об этом до выхода.

Горин не спросил про брата, хотя Артём приготовился к этому вопросу. Можно было рассказать самому. Он снова промолчал.

Горин взял планшет.

— Разведка считает вероятным, что под гражданским вызовом работает наблюдательный или связной пункт противника. Слова в эфире могут быть настоящими, а оборудование — обслуживать совсем другую задачу. Но это ещё предположение.

Он открыл полученный приказ.

— Обследуем узел. Передаём сведения. Если подтвердится военное использование и получим команду, выводим оборудование из строя. Пока внутри не разберёмся, никаких разговоров о зарядах.

Артём кивнул.

Капитан убрал планшет.

— И ещё. Название поселения не означает, что люди оттуда находятся у передатчика. Часть старой сети могла сохраниться. Сигнал способен пройти через несколько промежуточных точек.

— Я это понимаю.

Горин задержал на нём взгляд.

— Посмотрим на месте.

Они вышли.

Во дворе стояла та же машина, на которой группа ездил к насосной. Круглов протирал боковое стекло, Дёмин проверял крепление ящиков. Осипов сидел на борту, придерживая на коленях схему подъезда.

Утро было яснее вчерашнего.

Белая звезда поднималась над крышами, но тепла от неё пока не ощущалось. На затенённой стороне водяных баков лежал тонкий иней. Кто-то уже провёл по нему пальцем, оставив длинную тёмную полосу.

Артём поставил свой комплект возле колеса.

Саша подошёл с приёмным блоком.

— Передача ночью ещё несколько раз появлялась. На гарнизонной антенне слабее, чем у нас вчера, но обозначение узла совпадает.

— Ответить удалось? — спросил Артём.

Саша покачал головой.

— Либо не слышат, либо не отвечают. Короткий фрагмент повторяется с паузами; это может быть запись, а не человек у микрофона. Но оборудование кто-то питает: без этого оно столько не продержалось бы.

Саша закрепил ящик, проверил ремень.

Горин собрал всех у борта.

— До старой дорожной станции идём на машине. Дальше пешком, с осмотром подходов. Круглов остаётся в укрытии, держит возможность забрать группу с двух направлений.

Он показал маршрут.

Учебный центр находился на восточной окраине поселения, немного выше бывшей жилой части. Прямая дорога к нему пересекала открытую площадку. Второй подход шёл со стороны технических построек, вдоль старого канала.

— По главному входу не идём, пока не посмотрим, что видно с высоты, — продолжил капитан. — Снаружи работают Дёмин и Осипов. Внутри — я, Векшин, Ремезов. Связь проверяем на каждом переходе. Если перекрытия мешают, ставим промежуточный блок, а не надемся, что нас услышат.

Осипов сверил отметки на своей схеме.

— По боковой пристройке сведения старые. Снимок показывает крышу, но заднюю стену не видно.

— Поэтому Векшин сначала смотрит снаружи.

Горин обвёл группу взглядом.

— Люди могут оказаться гражданскими. Могут оказаться вооружёнными. Не будем выбирать ответ заранее.

Артём сел в кузов.

Последние слова капитана Артём принял на свой счёт, хотя тот обращался ко всей группе.

За воротами дорога шла вчерашним маршрутом.

Знакомые места теперь выглядели иначе. Утренние тени удлинляли небольшие провалы, а песок лежал поперёк колеи свежими языками. Возле разобранный гражданской машины кто-то поставил пустую канистру. Артём был почти уверен, что вчера её там не было.

Он не стал спрашивать.

Саша сидел напротив, прижав наушник к уху.

Горин смотрел вперёд.

Дёмин иногда поворачивал голову, проверяя то один край дороги, то другой. На его лице не было вчерашней сонной добродушности. Обыкновенный человек, шутящий над банкой с луком, постепенно отступил куда-то внутрь, уступив место внимательному, сдержанному бойцу.

Артём ловил себя на том, что всё время проверяет карман.

Коммуникатор он оставил в гарнизоне.

Нести с собой единственную удобную копию сообщения, которую можно потерять вместе со снаряжением, не имело смысла. Голос Кирилла и так звучал в памяти достаточно отчётливо.

Он опустил руку на колено.

Машина свернула с основной дороги.

Покрытие стало хуже. По краям выступали оборванные полосы старой разметки, а возле водоотводов росла жёсткая тёмная трава. Здесь давно не убрали наносы.

Справа открылась низина.

В ней стояли длинные жилые корпуса. Часть окон была заложена, часть темнела пустыми проёмами. Между зданиями сохранились дорожки, детская площадка и круглый навес, под которым когда-то, вероятно, сидели в жаркие дни.

Навес лежал на боку.

На его внутренней поверхности ещё держалась голубая краска.

Артём смотрел на дома.

В одном окне висела занавеска, серая от пыли. Она двигалась внутрь и наружу, словно кто-то медленно втягивал воздух через пустую комнату.

— Это уже шестое? — спросил он.

Горин кивнул.

— Нижняя жилая часть. Учебный центр дальше, за грядой.

Никаких особенных ощущений не возникло.

Артём почему-то ожидал, что почувствует близость к брату, как только окажется здесь. Узнает место, хотя никогда его не видел. Поймёт, куда смотреть.

Но перед ним были чужие дома.

На одной стене сохранилось выцветшее изображение дерева. На другой — тёмная полоса пожара.

Здесь могли пройти месяцы жизни Кирилла.

Могли не пройти вовсе.

Круглов остановил машину за длинным хозяйственным зданием. Крыша у него просела, зато стена со стороны поселения оставалась целой.

Дальше дорога уходила на открытый склон.

Группа спешилась.

Холод сразу забрался под ремни.

Артём поправил перчатку и посмотрел вверх.

Над грядой виднелась часть учебного центра: два светлых этажа, тёмная полоса окон, низкое крыло пристройки. На крыше сохранилось несколько антенн. Одна была согнута почти до перекрытия, другая стояла прямо.

Он отметил её положение.

Саша тоже посмотрел.

Но пока ничего не сказал.

Пошли со стороны канала.

Его дно давно высохло. Между плитами росли короткие кусты, в углублениях лежал старый снег, покрытый серой коркой. Иногда под ногой хрустело стекло.

Артём старался держаться по следу Дёмина.

На тренировках ему не раз объясняли, насколько легко взрослый человек начинает считать опасную местность понятной после первых удачных выходов. Вчера насосная дала ему работу, которую он умел делать. Сегодня нельзя было переносить эту уверенность на дорогу.

У края канала Дёмин поднял руку.

Все остановились.

Он присел возле пролома в бетонном ограждении.

Артём увидел под его пальцами тонкую ржавую проволоку и обрывок старой крепёжной ленты.

Дёмин посмотрел по сторонам, осторожно осветил углубление прибором и отступил.

— Старое ограждение. Но через пролом не полезем, обойдём правее.

Никто не стал спорить, хотя обход добавлял всего несколько метров и с виду ничем не отличался от прямого пути.

Из канала они вышли к насыпи и двинулись под её прикрытием.

Здесь ветер почти не чувствовался. Земля хранила следы: старые, расплывшиеся, наложенные один на другой.

У самого здания Артём заметил свежую полосу от колеса.

Та шла по влажному участку, где подтаял снег, и исчезала на твёрдом покрытии.

Он остановился.

Горин повернул голову.

Артём показал вниз.

След был узкий, с поперечными рёбрами. Рядом сохранился отпечаток подошвы.

— Недавно, — негромко сказал Осипов.

Дёмин осмотрел подход к стене.

В открытых окнах никто не двигался.

Главный вход находился за углом, на широкой площадке. Отсюда его не было видно.

Горин жестом приказал подождать.

Они рассредоточились возле технической пристройки.

Артём поставил комплект на землю, опустился на одно колено и присмотрелся к следу.

Колесо было небольшое.

Не военная машина.

Такой рисунок могла оставить хозяйственная тележка, переносной генератор, ящик на колёсной раме.

Отпечатки обуви тоже ничего не объясняли.

Здесь недавно кто-то побывал.

Саша проверил приём.

На малой громкости прошёл треск, затем тонкий сигнал.

Он сразу убавил звук.

— Рядом, — сказал он капитану. — Но направление плавает из-за стены.

Горин кивнул.

Дёмин ушёл посмотреть угол. Осипов остался у нижнего подхода.

Артём поднял голову к зданию.

Учебный центр был построен добротно.

Широкие простенки, вынесенные наружу опоры, глубокие оконные проёмы. Когда-то всё это, наверное, придавало ему спокойный, даже немного скучный вид.

Теперь часть окон была заколочена изнутри. На стене возле водостока тянулся след копоти. В нижнем этаже виднелись несколько аккуратных отверстий от попаданий.

Сверху надпись ещё читалась.

«Учиться жить вместе».

Две последние буквы осыпались.

Артём посмотрел на них и почувствовал раздражение.

Не из-за надписи.

Из-за того, как легко она сейчас предлагала готовую мысль о разрушенном мире. Здесь жили люди, которые заказывали краску, спорили о шрифте, устанавливали буквы по уровню. Они не обязаны были заранее знать, во что превратится их здание.

Дёмин вернулся.

— У главного входа открыто. Дверь снята давно, внутри пыль. Со двора свежих следов не вижу. Правое крыло с выбитым перекрытием.

Горин посмотрел на Артёма.

— Сначала вход и первый зал. Ремезов за вами, я последним. Дальше без команды не расходимся.

Они обогнули угол.

Перед главным входом росли два дерева.

Одно погибло, второе ещё держало на нижних ветвях тёмные листья. Между корнями лежала пластмассовая деталь от игрушки — жёлтое колесо на обломке оси.

Артём увидел её и сразу перевёл взгляд на дверной проём.

Внутри было темно.

Он проверил верх, боковые опоры, пол возле порога. Следов свежего обрушения не было.

Снятая дверь лежала в стороне, прислонённая к стене.

Горин дождался его кивка.

Первым вошёл Артём.

Под подошвой хрустнула штукатурка.

Вестибюль уходил влево и вправо. Напротив стояла стойка, за которой когда-то, вероятно, работал дежурный. Над ней висели часы с разбитым стеклом. Стрелки застыли почти одна поверх другой.

На полу лежали перевёрнутые стулья.

Один был детский — ниже остальных, с яркой полосой на спинке.

Саша остановился у входа, проверил связь.

Горин сообщил наружной группе, что они внутри.

Ответ Дёмина пришёл чисто.

Артём поднял свет.

За стойкой виднелась схема эвакуации, частично закрытая пылью. Здание имело два основных крыла, переход, учебные мастерские и нижние хозяйственные помещения.

Обозначения нижнего уровня сохранились хуже.

Он подошёл ближе, сфотографировал.

Кирилл мог стоять на этом месте.

Мысль возникла внезапно, без видимой причины.

Артём не знал, работал ли брат в учебном центре, только сообщение пришло через узел с таким обозначением. Он уже много раз объяснял себе разницу.

Но рука всё равно потянулась к краю стойки, будто прикосновение могло что-нибудь подтвердить.

Он остановил движение.

— Здесь есть нижний уровень, — сказал он Горину. — Хозяйственные помещения, возможно, отдельный выход в пристройке. На рабочей схеме обозначен не полностью.

Капитан посмотрел.

— Сначала первый этаж.

Они двинулись вправо.

В коридоре пахло старой бумагой, пылью и холодным бетоном.

Двери в классы были открыты.

В одном сохранились столы. На стене висела модель планетной системы — несколько кругов, соединённых тонкими линиями. Белая звезда в центре выцвела до цвета стены. У Рубежа были нарисованы две луны, слишком большие по отношению к планете.

В другом помещении стояли шкафы с разбитыми стёклами. На полках лежали образцы камней, часть подписей осыпалась.

Артём осветил пол.

Никаких свежих следов.

Лишь возле окна пыль была сдута ветром, и там блестело стекло.

Саша придержал дверь, чтобы та не ударилась о стену.

— Школа? — негромко спросил он.

— И школа, и подготовка специалистов, — ответил Горин. — В таких поселениях обычно всё в одном месте.

Дальше находилась учебная мастерская.

На длинных столах сохранились крепления под приборы. Возле стены стоял станок, у которого сняли всё, что можно было унести без подъёмника.

Артём заметил на полу прямоугольник более светлого покрытия.

Здесь недавно убрали ящик или шкаф.

Край пыли ещё был резким.

Он показал Горину.

Тот осмотрел комнату, ничего не трогая.

— Могли разбирать на детали.

Саша проверил приёмник.

Сигнал оставался сильным, но аппаратура наверху молчала.

Из соседнего помещения они вышли к лестнице.

Верхний марш был цел. Ниже, за металлическим ограждением, лежал завал.

Вниз отсюда пройти было нельзя.

Артём направил камеру между обломками.

На экране появилась нижняя площадка: куски плиты, оборванный кабель, створка старой двери.

За ней что-то белело.

Он приблизил изображение.

Мешок.

Обычный хозяйственный мешок, прислонённый к стене.

Пыль на нём лежала не так густо, как на бетоне вокруг.

— Нижним уровнем пользуются, — сказал Артём.

Горин посмотрел на экран.

— Или складывают вещи.

— Возможно. Но мешок попал туда после обрушения.

Капитан кивнул.

— Ищем другой спуск.

Они вернулись в вестибюль.

Наверху хлопнула незакреплённая рама.

Саша поднял голову.

Пыль посыпалась в пустой оконный проём, на мгновение сделав воздух видимым.

Артём смотрел, как она медленно оседает.

Ничего не происходило.

И всё же ощущение чужого присутствия становилось сильнее.

Свежие следы у стены, убранный шкаф, мешок внизу, работающий передатчик — кто-то пользовался зданием и старался не оставаться на виду.

Осипов вышел на связь:

— На северной стороне есть решётка вентиляции. Над ней снег с крыши подтаял. У соседних решёток сухо.

Горин посмотрел на Артёма.

— Снаружи проверим.

Они вышли тем же путём, убедившись, что связь сохраняется.

На открытом воздухе стало легче дышать.

Солнце уже поднялось, но северная сторона здания оставалась в тени. Под ногами лежали плотные серые полосы снега.

Осипов ждал у низкой стены технического двора.

Рядом находился тот самый участок с колёсным следом.

Теперь Артём заметил, что след не просто проходил мимо. Он подходил к углу, поворачивал и исчезал под навесом, почти целиком закрытым обвалившимися листами облицовки.

В стене над навесом была вентиляционная решётка.

Артём снял перчатку и поднёс руку.

Воздух шёл едва ощутимо.

Теплее наружного.

Он подождал, убрал ладонь, поднёс снова.

Не показалось.

Саша посмотрел на прибор.

— Тяга есть, — сказал Саша.

Горин осмотрел решётку.

— Думаешь, за ней рабочее помещение?

— Возможно. Но пока мы знаем только, что оттуда идёт тепло. Его может давать оборудование.

Артём опустилсЯ ниже.

Здесь, под навесом, ветер не успел сгладить землю.

Свежие следы подошв накладывались на старые. Кто-то ходил в обе стороны. У стены виднелась потёртость, оставленная ручкой тележки или краем переносимого ящика.

Он провёл взглядом по облицовке.

Два листа лежали свободно. Третий, прижатый к стене, был закреплён иначе — проволокой, пропущенной через отверстие.

Его можно было отвести.

Артём не стал трогать.

Показал Горину.

Дёмин проверил место, осмотрел края и только после этого осторожно снял крепление.

За листом оказалась дверь.

Низкая, металлическая, окрашенная когда-то в зелёный цвет.

На уровне ручки краска была стёрта до блеска.

Свежие следы, тёплая вентиляция, закрытый вход.

Теперь всё сходилось.

Артём почувствовал короткое, почти злое облегчение.

Не догадка.

Не желание.

Три простых признака, ведущих в одно место.

Он наклонился к двери.

Изнутри доносился слабый гул.

На несколько секунд звук стихал, потом возвращался — ровный, с короткой дрожью на конце.

Насос.

Небольшой, работающий циклически.

Артём прислушался ещё.

Вчера ночью вода существовала без понятного источника.

Здесь источник был.

Двигатель включался, набирал обороты, передавал вибрацию на стену.

— Внизу насос работает, — сказал он. — И есть вентиляция. Там действующая система, хотя бы местная.

Саша проверил уровень сигнала.

— Приём сильнее. Источник может быть здесь или через нижнюю разводку.

Горин связался с гарнизоном.

Передал сведения о найденном входе, признаках использования и работающем оборудовании.

Ответ пришёл после короткой паузы.

Артём не слышал слов в капитанском наушнике.

Горин выслушал, уточнил:

— Подтверждения военного использования нет. Продолжаем обследование.

Потом выключил передачу.

— Дёмин остаётся у входа. Осипов — наружный подход. Вниз идём втроём. Ремезов, оставляйте промежуточный блок.

Дверь не была заперта.

Она открылась тяжело, с тихим скрежетом нижнего края.

За ней начинался короткий тамбур.

Пол здесь был почти чистым.

Возле стены стояла ручная тележка с узкими рифлёнными колёсами.

Артём сразу узнал рисунок.

На тележке лежали две пустые канистры и свёрнутый ремень.

Ни оружия, ни знаков принадлежности.

Просто вещи.

Он посмотрел на Горина.

Капитан видел то же самое.

Второй проём закрывала плотная завеса из технической ткани.

Нижний край был потёрт, но аккуратно подшит.

Артём осторожно отвёл его.

За завесой уходила вниз лестница.

У стены тянулся новый кабель.

Не новый по возрасту — новую здесь была сама прокладка. Его закрепили поверх старой краски, используя разные скобы. В одном месте крепление заменяла полоска ткани.

Кабель шёл к тусклой лампе на повороте.

Свет горел ровно.

Артём стоял, глядя на него.

После пустых классов, выбитых окон и холодного вестибюля эта маленькая работающая лампа казалась сильнее любого следа.

Кто-то решил, что здесь должно быть светло.

И сделал для этого всё, что сумел.

Горин тихо сказал:

— Сначала осмотр.

Артём кивнул.

Он проверил ступени, просветил поворот камерой.

Нижняя площадка была свободна.

Слева стояло ведро с засохшим раствором, справа — стопка досок, стянутых верёвкой.

Они начали спускаться.

Саша оставил промежуточный блок у верхнего поворота. Связь с Дёминым стала немного глуше, но сохранялась.

Артём держал камеру перед собой.

Теперь он чувствовал запахи.

Тёплая пыль.

Влажная ткань.

Что-то съедобное, совсем слабое — крупа или разогретая мука.

Он не доверился последнему ощущению.

После долгого холодного утра хотелось есть, и память могла подставить знакомое.

На нижней площадке было теплее.

Насос работал где-то за стеной.

Звук передавался через трубы, но направление определялось ясно: вправо, вглубь.

Слева начинался коридор, освещённый несколькими небольшими лампами.

Часть старых дверей была снята. В проёмах виднелись пустые хозяйственные помещения, остатки полок, сложенные ящики.

На полу тянулась вытертая полоса.

По ней ходили.

Артём увидел возле стены небольшой след воды — не лужу, а несколько высохших капель с тёмным ободком.

Их занесли недавно.

Горин остановился рядом.

Он не задавал вопросов.

На такой глубине предположения стоили меньше, чем возможность ещё несколько секунд просто смотреть.

Саша проверил связь.

— Вход слышит. Наружные без изменений.

Капитан кивнул.

Они двинулись по коридору.

Артём шёл первым, оценивая пол, потолок, стены.

Подземная часть сохранилась лучше верхней. Нагрузку держали массивные простенки. Старые повреждения были заделаны раствором другого цвета.

Кое-где по стене шёл свежий белёсый след извести.

Здесь убрали.

Эта мысль пришла неожиданно.

Не прятались на одну ночь, не проходили насквозь.

Убирали, подметали, подшивали край завесы, ставили доски так, чтобы не мешали ногам.

Артём ощутил, как меняется задача.

Он пока не знал, кто находится внизу.

Но всё труднее было представлять это место только как точку на схеме, которую можно обследовать и при необходимости уничтожить.

Коридор поворачивал у старого пожарного шкафа.

На стекле сохранился белый след от снятой надписи. Сам шкаф был пуст, дверца закрыта на проволочную петлю.

Артём остановился перед поворотом, выдвинул камеру.

На экране появилась ещё одна часть коридора.

Светлая стена.

Два закрытых проёма.

На дальнем конце — узкая полоса темноты, куда лампа не доставала.

Он убрал камеру и шагнул так, чтобы увидеть самому.

Тогда в конце коридора возник человек.

Светлая длинная одежда.

Высокая фигура у стены.

Артём не успел решить, откуда она вышла.

Мгновение назад, на маленьком экране, он видел только тёмный участок.

Теперь человек находился там, достаточно близко, чтобы различить линию плеч.

Лица не было видно.

Артём почувствовал, что перестал дышать.

Фигура словно повернулась — или это свет изменился на ткани.

Потом ушла за дальний край проёма.

Очень спокойно.

Ни торопливого движения, ни попытки спрятаться.

Просто светлое исчезло в темноте.

Артём поднял руку.

Горин остановился сразу.

— Что?

— Человек впереди. У дальнего проёма.

Он слышал собственный голос и удивился тому, как ровно тот прозвучал.

Капитан посмотрел в коридор.

— Вооружён?

— Не увидел. Светлая одежда, длинная.

Саша чуть сдвинулся, освобождая Горину обзор.

— Я никого не заметил.

— Секунду назад был.

Артём смотрел на дальний проём.

Он не думал о ночном прибое.

Не вспоминал Осипова.

Перед ним находился человек, который мог испугаться, мог ждать с оружием, мог просто не понять, кто пришёл.

Нужно было действовать соответственно.

Горин негромко позвал:

— В коридоре военная группа. Остановитесь на месте, мы вас видели. Если нужна помощь, скажите.

Ответа не было.

Насос за стеной включился снова.

Ровный низкий гул заполнил паузу.

Горин подождал.

— Векшин, оставайтесь за моей линией. Ремезов, следите за пройденным участком.

Они двинулись вперёд.

Артём видел всё отчётливее: неровную покраску, трещину на уровне пола, пыль возле дверного косяка.

С каждым шагом дальний проём становился обыкновеннее.

В нём не оставалось места для впечатления.

Только дверь, которую сняли с петель.

Только маленькое помещение за ней.

Горин остановился сбоку.

Артём подал камеру.

Изображение осветилось.

Узкая комната.

Складные полки.

Несколько пустых ящиков.

Глухая стена напротив.

Никого.

Они проверили углы, затем вошли.

Артём медленно огляделся.

Второго выхода не было.

У потолка находилась вентиляционная решётка, слишком маленькая даже для ребёнка. За ней темнел узкий канал.

На полу возле стены лежал кусок светлого упаковочного материала.

Артём посмотрел на него.

Поднял луч выше.

Полоса материала не могла стоять прямо и уйти в проём.

Она вообще не была похожа на одежду.

— Отсюда? — спросил Горин.

— Да.

Артём услышал в собственном ответе излишнюю жёсткость.

Капитан не стал спорить.

Проверил стену, посмотрел на потолок.

— Сколько времени видели?

— Недолго. Но это был человек.

Горин некоторое время молчал.

Он не выглядел ни убеждённым, ни насмешливым.

Просто сопоставлял сказанное с тем, что находилось перед ним.

— Здесь могло показаться, — сказал он наконец. — Свет неравномерный, после улицы глаза ещё перестраиваются. Но проверяем дальше с учётом, что кто-то впереди есть.

Артём кивнул.

Он был благодарен за последнюю фразу и одновременно злился на себя за эту благодарность.

В комнате пахло сухим деревом.

У самой стены лежала тонкая пыль. На ней не было отчётливых следов, но и поверхность не позволяла уверенно утверждать, что здесь никто не проходил.

Артём не стал говорить об этом вслух.

Всё, что он мог доказать, сводилось к короткому зрительному впечатлению.

Он вернулся к порогу.

Проверил, куда падал свет.

Где находилась тень.

Можно ли было увидеть кого-то через отражение в старом стекле.

Стекла не было.

Насос выключился.

В наступившей тишине стало слышно, как по трубе медленно стекает вода.

Обычный звук.

С понятным направлением.

Артём заставил себя вернуться к нему.

Горин вышел в коридор.

— Дальше по признакам работы. Векшин, что у нас с планировкой?

Артём открыл снимок схемы.

Нижний уровень обозначался неточно, но общая форма совпадала.

— Хозяйственные помещения идут вдоль наружной стены. Насос справа. Дальше должен быть широкий переход под центральной частью. Там, возможно, старое убежище или склад.

— Сначала переход.

Они продолжили путь.

Саша шёл последним.

Артём чувствовал его взгляд, но связист ни о чём не спрашивал.

За следующим поворотом появились другие следы жизни.

У стены стоял пластмассовый таз.

На верёвке над ним висели выстиранные перчатки.

Две большие пары и одна маленькая.

Артём остановился.

Маленькие перчатки были заштопаны на больших пальцах. Нитки другого цвета — жёлтые на серой ткани.

Горин увидел.

Они переглянулись.

Капитан ничего не сказал, только чуть опустил оружие, оставив его в готовом положении.

Из-за стены донёсся короткий удар.

Потом ещё один.

Металл о металл.

Словно кто-то передвинул кастрюлю или поставил на пол инструмент.

Саша приблизился.

— Сигнал сильнее. Похоже, линия действительно проходит здесь.

Он говорил едва слышно.

Горин сообщил наружной группе, что они обнаружили признаки постоянного проживания.

Не гражданских.

Не противника.

Именно признаки.

Артём отметил точность формулировки.

Раньше она показалась бы ему излишней. Сейчас он понимал, сколько зависит от слова, переданного вверх по цепочке.

Коридор расширился.

На стене сохранилась полоса старой разметки. Ниже кто-то недавно провёл новую — неровную, белую, уходившую к закрытой двери.

Возле двери стояли два ведра.

Одно было перевёрнуто.

На нём лежал сложенный кусок ткани.

Здесь ждали или работали, сидя.

Артём прислушался.

Насос молчал.

Сквозь дверь шёл слабый звук, похожий на разговор сразу нескольких людей. Слов разобрать было нельзя.

В груди стало тесно.

За этой дверью мог находиться Кирилл.

Мысль пришла с такой силой, что Артём невольно сделал шаг.

Горин коснулся его локтя.

Не резко.

Достаточно, чтобы остановить.

Артём посмотрел на капитана.

Тот видел, что с ним происходит, хотя ещё не знал причины.

От этого короткого прикосновения стало стыдно и легче.

Он отступил на полшага.

Горин подошёл к двери.

Она была тяжёлая, старая, с широким притвором. Поверх прежней краски тянулись свежие потёки. Замок заменили, но снаружи оставили ручку.

Никаких военных обозначений.

Только маленький прямоугольник возле косяка, вытертый так часто, что нельзя было прочесть первоначальную надпись.

Капитан прислушался.

Потом негромко постучал.

Один раз.

Разговор за дверью оборвался.

Артём почувствовал, как внутри всё замерло вместе с ним.

Несколько секунд не происходило ничего.

Саша чуть повернул голову, проверяя коридор за спиной.

Горин ждал.

Затем изнутри раздался лёгкий шорох.

Кто-то подошёл к самой двери.

Артём услышал дыхание — короткое, неровное, слишком близко к нижней части створки.

Капитан уже открыл рот, чтобы назвать себя.

Но первым заговорили изнутри.

Голос был детский.

Тонкий, старательно сдерживаемый, будто ребёнку велели не плакать и он изо всех сил выполнял просьбу.

— Вы только свет не выключайте, пожалуйста. Мы здесь.

Глава V. Поселение шесть

Горин не сразу ответил ребёнку.

Он посмотрел на кабель, уходивший над дверью в отверстие под потолком, потом убрал палец со спусковой скобы и негромко сказал:

— Свет мы не трогаем. Позови кого-нибудь из взрослых, пожалуйста. Мы пришли посмотреть узел связи.

За дверью зашуршало.

Послышался женский голос, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Затем металл коротко звякнул, и в створке, немного выше головы ребёнка, открылось узкое смотровое окошко.

Артём увидел глаз.

Потом часть лица.

Человек по другую сторону смотрел на них долго, поочерёдно задерживаясь на каждом.

— Кто старший?

— Капитан Горин. Береговой союз, инженерная группа четвёртого гарнизона. Нам нужно выяснить, кто ведёт передачу.

Окошко оставалось открытым.

— Так вы только из-за передачи? — спросили за дверью.

— Нам поручено обследовать узел. Пока мы хотим поговорить с теми, кто его обслуживает, — ответил Горин.

Из глубины помещения кто-то спросил, что происходит. Женский голос велел отойти от двери.

Окошко закрылось.

Секунды тянулись медленно.

Саша проверил наушник. Горин ничего не добавлял. Он стоял чуть в стороне от середины проёма и ждал, позволяя людям внутри решить, что делать.

Наконец скрежетнул засов.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в проёме могла встать женщина.

Ей было около шестидесяти. Седые волосы убраны за затылок, на тёмном свитере — несколько аккуратных заплат. Одну руку она держала на створке, вторую опустила вдоль тела.

Позади, на границе света, стоял мальчик.

Худой, с неровно подстриженными волосами. Он придерживал обеими руками пустое ведро, словно не знал, можно ли теперь его поставить.

Женщина посмотрела на оружие.

— Если войдёте, стволы опустите. Здесь дети, а коридор узкий.

Горин кивнул.

— Сколько вас?

— Двести восемьдесят семь. Если считать тех двоих, которые утром ушли за фильтрами.

Артём не успел скрыть удивление.

Он ожидал найти нескольких человек возле аппаратуры. Возможно, дежурную смену, временную стоянку, тех, кто разбирает старое здание на пригодные детали.

Число не помещалось в видимый проём.

Женщина заметила его взгляд.

— Под обоими корпусами помещения. Верх вы видели, низ сохранился лучше.

Она отступила.

Горин сообщил наружной группе, что обнаружены гражданские, и велел удерживать прежние позиции. Потом вошёл.

Артём последовал за ним.

Тёплый воздух пах варёной крупой, влажной одеждой и людьми, слишком долго живущими вместе.

За дверью был короткий проход. Справа тянулись стеллажи с обувью, слева стояла лавка. Над ней висели куртки, плащи, несколько детских комбинезонов.

К каждой связке вещей была привязана полоска ткани с именем.

Мальчик поспешно отступил к стене.

— Ведро на место отнеси, Тим, — сказала женщина. — Только не через большой зал, там сейчас убирают.

Он кивнул, но не ушёл.

Смотрел на Артёма.

Тот осторожно отодвинул оружие за бок, чтобы оно меньше выступало вперёд.

Тим заметил движение.

Лишь после этого поднял ведро повыше и побежал по проходу.

Женщина проводила его взглядом.

— Нина Орлова. Я здесь за хозяйство и за тех, кто сам за себя пока не умеет.

— Кто отвечает за передатчик? — спросил Горин.

— Сейчас я. Ремонтирует Павел, но он после смены спит. Если нужно, разбужу.

— Пока покажите оборудование. И скажите, есть ли вооружённые люди.

Нина посмотрела на капитана.

— Оружие есть. Два ружья, один старый автомат. Лежат отдельно, ключ у меня. Сюда приходят с разных сторон, а ругаются потом уже здесь.

Она вынула из кармана связку.

Горин не протянул руку.

— Дальше оружейной никто не подходит. Позже посмотрим.

Нина убрала ключи.

— Ладно. Только не пугайте людей обходом. У нас двое лежачих после обстрела, их нельзя сейчас переносить.

Она повернулась и пошла по коридору.

Артём смотрел ей вслед.

Нина не спрашивала, зачем им понадобилось это место именно сегодня. Не пыталась сразу убедить, что все здесь хорошие. Перечисляла то, что считала важным: дети, оружие, лежачие.

Они миновали поворот и вышли в большой зал.

Когда-то здесь, вероятно, проходили практические занятия. Вдоль одной стены сохранились крепления, на другой — бледные прямоугольники от снятых стендов. Теперь помещение разделили занавесями на узкие отсеки.

Между ними шёл проход.

На раскладных койках лежали одеяла, под кроватями стояли сумки, кастрюли и закрытые ящики. В одном отсеке женщина расчёсывала девочке волосы. В другом мужчина, сидя на низком стуле, чинил подошву.

Ближе к стене двое детей выводили что-то на кусках картона.

При появлении группы разговоры постепенно стихли.

Это не произошло сразу. Сначала замолчали ближние, потом тишина прошла дальше, к противоположному концу зала.

Артём почувствовал на себе взгляды.

Он знал, как выглядит со стороны: чужой человек в защитном жилете, с оружием, с фонарём и закрытым комплектом на ремне.

О брате здесь никто не знал.

Женщина, расчёсывавшая девочку, незаметно притянула ребёнка ближе.

— Продолжайте, — сказала Нина. — Проверяют связь. Пока ничего не изменилось.

Последние слова она произнесла чуть отчётливее.

Горин услышал.

Артём тоже.

В глубине зала сидел старик в выцветшей куртке. На плече сохранился след снятого знака. Увидев капитана, старик положил руки на колени ладонями вверх.

Горин прошёл мимо, не останавливаясь.

Но взгляд задержал.

Они вышли в другой коридор.

Здесь было прохладнее. На стене висел лист с перечнем дежурств, под ним — несколько детских рисунков. Дома, деревья, вода, круглое жёлтое солнце, совсем не похожее на белую звезду Рубежа.

Артём посмотрел на рисунок.

Нина заметила.

— По старой книжке рисовали. У нас там целая история про лето у моря. Они потом спорили, бывает ли вода тёплой сама по себе.

Она открыла дверь в небольшое помещение.

Внутри стояли стол, два стула, старый шкаф и несколько аккумуляторных блоков на изолирующих подставках. Под потолком работал маленький вентилятор.

На столе светилась аппаратура.

Саша остановился на пороге.

— Можно?

Нина кивнула.

Он подошёл к панели, осмотрел соединения, не прикасаясь к переключателям.

Артём увидел на стене куртку.

Обычную тёмную куртку, на спинке которой была пришита широкая полоса более светлой ткани.

Ничего похожего на одежду человека из коридора.

И всё-таки он смотрел на неё несколько секунд.

Потом заставил себя перевести внимание на стол.

На краю лежали карандаш, кружка с отбитой ручкой и раскрытая тетрадь. На первой видимой строке были записаны время и несколько слов: «Повторить после смены блока».

— Вы передачу вручную включаете? — спросил Саша.

— Голос записан. Павел сделал повторение. Иначе кто-нибудь должен сидеть здесь весь день.

— А приём?

Нина покачала головой.

— Раньше что-то слышали. Последние дни только шум. Павел считает, что проблема в согласовании, но у нас не из чего выбирать.

Саша наклонился к боковой части блока.

— Здесь передача через старую антенную цепь. Часть оборудования вообще от другого комплекта.

— Что нашли, то и поставили.

Она сказала это без вызова.

Просто сообщила обстоятельство.

Горин посмотрел на Нину.

— Вы знаете, что эта аппаратура использовалась Северной дирекцией?

— Знаю, что её привезли на тележке из пустого узла. До этого она могла использоваться кем угодно.

Капитан помолчал.

Потом спросил:

— Кого вызываете?

Нина посмотрела сначала на него, потом на Сашу.

— Корабль.

Одно слово изменило комнату.

Артём почувствовал, как рядом связист чуть выпрямился.

— Какой корабль? — уточнил Горин.

— Не знаю названия. Был запрос снаружи, на гражданском диапазоне. Мы услышали кусок. Они принимали сообщения бедствия. Потом связь пропала.

— Когда?

Нина назвала время.

Саша быстро сверился со своей записью.

— Это до нашего выхода к насосной.

Она кивнула.

— С тех пор повторяем. Иногда кажется, что отвечают. Но слов не разобрать.

Горин связался с гарнизоном.

Передал расположение узла и предварительные сведения об аппаратуре. Отдельно сообщил, что источник гражданского вызова обнаружен, военное использование пока не подтверждено.

Артём слышал только его половину разговора.

— Да, постоянное проживание. Несколько сотен... Точное число со слов старшей — двести восемьдесят семь... Есть дети, больные...

Он выслушал ответ.

— Проведём осмотр. Также прошу медицинскую помощь. Два лежачих, остальное уточним.

Нина стояла неподвижно.

Только пальцы, лежавшие на краю стола, сжались.

Когда капитан закончил, она спросила:

— Врач приедет?

— Запросил. Доступ через наш маршрут, подъезд к зданию проверен не полностью. Встретим снаружи.

— У нас лекарства заканчиваются.

— Пусть сначала посмотрят людей.

Она кивнула.

Артём всё ещё не спросил о Кирилле.

Вопрос находился так близко, что мешал дышать. Казалось, стоит произнести имя, и всё вокруг перестроится: лица повернутся, кто-нибудь узнает, кто-нибудь покачает головой.

Пока имя не было сказано, сохранялись все возможности сразу.

Нина подошла к шкафу, достала несколько сложенных листов.

— Это по больным. Не всё, но основное записано.

Артём увидел на верхнем листе почерк.

Наклонные буквы, вытянутый хвост у одной из них, короткие подчёркивания.

Он не мог бы поклясться.

Почерк вообще слишком легко становился похожим, если долго искать сходство.

Но рука уже потянулась к нагрудному карману.

Там коммуникатора не было.

Он оставил его в гарнизоне.

Артём почувствовал почти детское отчаяние от этой простой, разумной предусмотрительности.

Фотографию следовало взять отдельно.

Хотя бы маленькую копию.

Нина посмотрела на него.

— Вам плохо?

— Нет. Скажите, у вас работал врач по имени Кирилл?

Она перестала перебирать листы.

— Кирилл Векшин?

Артём кивнул.

Слова на несколько мгновений исчезли.

Он смотрел на Нину и видел, как меняется её лицо. Внимание, удивление, узнавание, которое ещё не относилось к нему самому, но уже приближалось.

— Вы родственник?

— Брат.

Нина опустила бумаги на стол.

— Так вот вы какой.

Артём почувствовал, как под защитным жилетом спина покрывается потом.

— Он здесь?

Нина покачала головой.

И сразу добавила, увидев его лицо:

— Ушёл. Живой ушёл, сам. Не думайте плохого раньше времени.

Артём ухватился за край стула.

Он не сел.

Просто потребовалась опора.

Горин стоял у двери. Артём знал, что капитан всё слышит, но сейчас уже не мог об этом думать.

— Когда?

— Двадцать три дня назад. Я помню, потому что в тот день переводили детей в ближний зал, там вентиляцию закончили. Он ещё ругался, что мы таскаем койки вместе с людьми.

Нина говорила быстро, словно старалась дать ему достаточно подробностей, чтобы слова обрели вес.

— Ушёл утром. С проводником и двумя нашими. В горы, к Борису Левину. Слышали о таком?

Артём покачал головой.

Двадцать три дня.

Не месяцы.

Не давняя запись, прошедшая через чужой грузовой борт.

Двадцать три дня назад Кирилл стоял в этом помещении.

Мог держать эту кружку.

Спорить с этой женщиной.

Выйти в коридор, где сейчас слышно было работающий насос.

— Вы сами его провожали?

— Сама. Дала сухие вещи, запас еды. Обувь у него промокала, мы другую нашли, но он сначала не хотел брать. Сказал, прежняя ещё ходит.

Артём закрыл глаза.

Кирилл всегда говорил так про вещи, которые давно пора было выбросить.

Нина помолчала.

— У него на левом запястье ремешок был синий. Не новый уже, край треснул. Он всё время туда палец засовывал, когда думал.

Артём открыл глаза.

Этого не было ни в извещении, ни на фотографии, которую он показывал Лере.

— Я ему подарил, — хрипло сказал Артём.

Нина перестала перебирать лежавшие перед ней вещи и посмотрела ему в лицо.

— Он говорил, что брат придёт за ним, если узнает. Мы думали, просто поддерживает себя разговором.

Артём попытался вдохнуть глубже, но жилет помешал.

Он ослабил ремень.

— Куда именно он ушёл?

— В горный пояс. Левин обслуживал старую гражданскую систему, потом жил при нижней технической станции. Кирилл рассчитывал найти его через людей с берега.

— Через внутреннее море?

— Там обходили закрытую дорогу. Проводник знал путь. Я вам покажу, что у нас есть.

Она указала на стул.

— Только сядьте. Вы сейчас стоите так, будто ещё немного — и сами понадобятся врачу.

Артём сел.

Руки дрожали.

Он положил их на колени, но дрожь осталась.

Саша отвернулся к аппаратуре, давая ему хотя бы видимость одиночества.

Горин негромко сказал в связь, что медицинской группе понадобятся носилки для осмотра, но сведения о немедленной эвакуации пока не подтверждены.

Обычные слова.

Артём был благодарен за них.

Они не позволяли комнате окончательно превратиться в место, где существовал только его брат.

Нина принесла воду.

Он выпил несколько глотков.

— Зачем ему Левин?

— Он объяснял, что есть старый маршрут. Гражданский, не тот, которым военные пользуются. Левин может знать, как вернуть его в работу.

— И Кирилл решил этим заняться?

— Сначала решил найти человека, который скажет, возможно ли это вообще.

Нина посмотрела на аппаратуру.

— Он давно пытался вызвать кого-нибудь снаружи. Через передатчик сообщение отправил, через грузовых передавал. Некоторые у нас сердились: зачем расходовать силы на то, чего может не быть.

— А вы?

— Я давала ему питание на связь, когда могла. На большее меня не хватало.

Она говорила без желания приписать себе заслугу.

Артём поставил кружку.

Теперь хотелось спросить всё сразу.

Как брат выглядел. Что ел. Был ли ранен. Смеялся ли. Спал ли нормально. Вспоминал ли дом.

Но рядом находились двести восемьдесят семь человек, о которых Нина знала, вероятно, не меньше.

Он выбрал один вопрос:

— Он был здоров?

— Усталый был. Худой. Кашлял после холода, потом прошло. Работать мог, дорогу выдерживал.

Нина чуть улыбнулась.

— Спорить тоже мог. Даже когда уже не следовало.

Артём посмотрел на исписанные листы.

— Это он?

Она кивнула.

— Записывал назначения, чтобы мы потом ничего не перепутали. Здесь у всех своя память, а лекарства одни.

Горин подошёл ближе.

— Нина, нам нужен осмотр помещений и людей. Без досмотра личных вещей, пока нет оснований. Но я должен понимать, что находится в остальных залах.

Она посмотрела на капитана.

— Покажу. Только сначала скажите, вашим снаружи дети мешать не будут? Они услышали, что кто-то приехал, сейчас полезут смотреть.

— На улицу пока никого не выпускайте. Маршрут не проверен полностью.

— Это я и сама не собиралась.

Горин кивнул Артёму в сторону коридора.

Тот поднялся.

За дверью капитан остановился.

Несколько секунд молчал.

— Значит, вот зачем вы сюда просились.

Артём посмотрел ему в лицо.

— Я не знал, что он был именно здесь. Только название в сообщении.

— Сообщение от него?

— Да. Старое. Пришло с большой задержкой.

Горин провёл ладонью по краю жилета, поправляя крепление.

Он выглядел скорее усталым, чем сердитым.

— Об этом нужно было сказать до выхода.

— Я боялся, что меня переведут.

— Это возможно.

Артём сжал челюсти.

Капитан заметил.

— Сейчас вы в группе. Работаете по задаче. За братом самостоятельно не уходите и ни с кем об уходе не договариваетесь. О дальнейшем поговорим, когда вернёмся.

— Понял.

Горин посмотрел в глубину коридора.

Там двое мужчин переносили ведро на перекладине. Увидев капитана, один остановился, потом продолжил.

— И Векшин, — сказал Горин уже тише. — Двадцать три дня — это хорошее известие. Но это ещё не встреча.

Артём кивнул.

Он знал.

И всё же мир уже стал другим.

Осмотр занял больше времени, чем предполагали.

За первым залом находились ещё два, затем бывшая столовая, несколько кладовых и медицинский отсек, отделённый плотными занавесями.

Люди жили тесно.

Проходы оставляли свободными, но вещи всё равно стояли вдоль стен, под койками, на полках. Возле каждой лампы было устроено место, где можно что-нибудь чинить, читать или готовить.

У входа в столовую женщина разливала густую похлёбку.

Рядом мужчина нарезал хлеб так тонко, что приходилось придерживать каждый ломоть ладонью.

Тим сидел на корточках возле ящика и завязывал шнурок мальчику помладше.

Увидев Артёма, поднял голову.

Потом посмотрел на белую нашивку.

— У Кирилла тоже такая была.

Артём остановился.

— На куртке?

— Нет, на сумке. Он сам написал, только криво.

Тим вернулся к шнурку.

— У него ручка плохо писала. Я другую принёс, но он сказал, теперь и так понятно.

Артём присел рядом.

— Ты его хорошо знал?

Тим пожал плечами.

— Он мне руку смотрел. И показывал, почему здесь две луны. Только я всё равно не понял, почему одна иногда днём.

Младший мальчик нетерпеливо потянул ногу.

Тим придержал его за щиколотку.

— Подожди, сейчас закончится.

Артём смотрел на мальчиков.

Кирилл рассказывал детям о лунах.

После катастрофы, после чужих смертей, среди нехватки лекарств он находил время объяснять то, без чего можно было прожить ещё один день.

Артём неожиданно понял, насколько мало знал брата вне их общей жизни.

Не того Кирилла, которому покупал первый нормальный инструмент, не младшего, которого вытаскивал из холодной воды.

Врача, которого здесь ждали.

Человека, оставившего после себя порядок, записи и несколько рассказов о небе.

Саша позвал из аппаратной.

Горин уже шёл туда.

Артём поднялся и последовал за ним.

За время осмотра связист успел снять боковую панель и подключить свой блок через согласующее устройство. Старую передающую цепь он не трогал.

Рядом стоял заспанный мужчина в тёплом свитере. Вероятно, тот самый Павел, которого всё-таки разбудили.

— Приём у них не мёртвый, — объяснил Саша. — Здесь неправильно собрано сопряжение после замены. Часть сигнала уходит, часть забивает собственная передача. Если развести по времени, можно попробовать ответить.

Павел смотрел на открытый блок.

— Мы этот переход из другого комплекта брали. По маркировке подходил.

— Разъём подходил, — осторожно сказал Саша. — Внутри схема другая.

Мужчина наклонился к открытому блоку, стараясь разглядеть, что показывает Саша.

Горин встал возле стены.

— Сможете без разрыва передачи?

— На минуту придётся остановить. Потом вернём.

Нина, пришедшая вслед за ними, посмотрела на лампу.

— Свет останется?

— Да. Отключим только этот блок.

Она кивнула.

Артём вспомнил просьбу Тима за дверью.

Саша закончил подключение.

В комнате стало тихо: пропал слабый тон, который шёл от аппаратуры почти незаметно.

Потом в наушнике связиста что-то щёлкнуло.

Он выпрямился.

— Есть несущая.

Горин подошёл.

Саша передал запрос, назвал гражданский узел и сообщил, что при нём находится группа Берегового союза.

Артём смотрел на край стола.

Царапина в деревянной поверхности была залита тёмным, давно высохшим лаком. В неё попала пыль.

Он почему-то сосредоточился именно на ней, пока ждали ответа.

Прошло несколько секунд.

Потом из динамика донёсся голос:

— Узел поселения шесть, ваш ответ принят. Подтвердите, что сообщение передаётся с поверхности Рубежа.

Саша посмотрел на Горина.

Тот наклонился к микрофону.

— Подтверждаю. Капитан Андрей Горин, инженерная группа Берегового союза. Представьтесь.

Голос ответил после короткой паузы:

— Транспорт «Орион». Капитан Элина Вард. Принимаем ваш гражданский вызов бедствия. Сообщите характер ситуации и число людей.

Нина медленно села.

Ещё мгновение назад стояла, придерживая ладонью спинку стула. Теперь колени словно перестали её держать.

Павел смотрел на динамик.

Саша убавил громкость, чтобы не было обратной связи.

Горин назвал место, число жителей и предварительное состояние убежища.

Голос капитана изменился.

Не стал мягче.

Сделался внимательнее.

— Приём. Подтвердите: несколько сотен гражданских, наземная эвакуация не обеспечена?

— Да.

Нина подняла голову.

— Скажите, что здесь дети.

Горин кивнул и передал.

Артём видел, как женщина впилась пальцами в край сиденья.

— Принято, — ответила Вард. — Нам необходимы данные о посадочных площадках и состоянии обороны. Разрешённого захода к этому району у нас нет.

— Сведения собираем, — сказал Горин. — Безопасность посадки подтвердить сейчас не могу.

Он произнёс это сразу.

Артём был благодарен и одновременно ненавидел необходимость этих слов.

Из динамика пришёл спокойный ответ:

— Тогда пока не рассматриваем снижение. Поддерживайте связь. Передайте медицинскую сводку, число детей и людей, нуждающихся в постоянной помощи. Я направлю запросы по действующим каналам.

Нина закрыла глаза.

Артём не мог понять, что она чувствует.

Облегчение от того, что их услышали.

Или боль оттого, что услышать оказалось недостаточно.

Саша записывал параметры.

Горин уточнил частоту следующего сеанса, порядок подтверждения и данные, которые смогут передать без задержки.

Разговор продолжался ещё несколько минут.

Теперь у огня в небе было название и голос. Капитан не обещала посадки, но согласовала следующий сеанс; Нина не отходила от стола, пока Саша записывал время.

Когда связь перевели в ожидание, Павел осторожно спросил:

— Это тот огонь, который мы вечером видели?

Саша посмотрел на принятые данные движения.

Потом на Горина.

— Положение совпадает с нашим наблюдением. И время работы двигателей.

Капитан кивнул.

— Да. По всей видимости, он.

В дверях появился Тим.

Никто не заметил, когда он подошёл.

За ним стояли ещё двое детей и женщина, разливавшая похлёбку.

Тим посмотрел на Сашу, потом на Артёма.

— Значит, это звезда отвечает?

Саша открыл рот, но Артём успел раньше:

— Это корабль. Мы видели, как работают его двигатели, поэтому он так ярко горел.

Тим подумал.

— А звезда может нас забрать?

В комнате никто не ответил сразу.

Нина поднялась.

Подошла к мальчику и положила ладонь ему на плечо.

— Они пока не знают, как сюда сесть.

— Но если узнают?

Она посмотрела на Горина.

Капитан присел, чтобы не говорить с ребёнком сверху.

— Сначала нужно проверить дорогу для корабля. Она не такая, как для машины. Там тоже есть опасные места.

Тим слушал серьёзно.

— А вы проверите?

Горин выдержал его взгляд.

— Передадим всё, что сможем узнать.

Мальчик кивнул, хотя ответ, вероятно, не совсем его устроил.

Женщина у двери спросила:

— Можно людям сказать, что связь есть?

Нина помедлила.

— Можно сказать, что нас услышали. Про то, что заберут, не говорите. Мы этого ещё не знаем.

Женщина кивнула и ушла.

Через несколько минут в коридоре уже произнесли:

— Со звездой поговорили.

Кто-то переспросил.

Кто-то тихо засмеялся, не веря.

Павел потёр ладонью лицо.

— Столько дней мучились, а оказалось, переход не тот.

Саша покачал головой.

— Если бы вы не собрали передачу, нас бы здесь не было.

Мужчина посмотрел на него.

Потом осторожно положил снятую панель на стол.

Медицинская машина добралась во второй половине дня.

Круглов встретил её у дорожной станции и провёл к защищённому месту. Дёмин помог вывести людей от машины к техническому входу, пока Осипов оставался на наружном подходе.

Лера пришла с санитаром и двумя укладками.

На её куртке ещё блестела мелкая пыль.

Увидев Артёма, она остановилась лишь на мгновение.

— Вы целы?

— Да. Здесь много людей.

— Мне уже сказали. Покажите, кого смотреть первым.

Артём взял тяжёлую укладку.

Пока они шли через зал, жители смотрели на врача иначе, чем на военных.

Кто-то сразу поднялся.

Женщина возле одной из коек придержала занавесь.

Мужчина, чинивший подошву, убрал инструмент, освобождая проход.

Нина встретила Леру у медицинского отсека.

Не стала долго объяснять.

Назвала самых тяжёлых, показала записи Кирилла, перечислила оставшиеся препараты.

Лера слушала, листала, задавала короткие вопросы.

Один из больных лежал с плохо заживающей раной на ноге. Другой почти не вставал после травмы спины. Возле дальней койки сидела молодая женщина и держала на коленях ребёнка, который дышал слишком часто.

Лера сразу подошла к ним.

Артём поставил укладку, помог освободить столик.

Спрашивать стало некогда.

Принести воду.

Подержать свет.

Переставить перегородку, чтобы врач могла подойти к койке с другой стороны.

Он выполнял просьбы и чувствовал странное облегчение от простоты работы.

Кирилл тоже делал здесь это.

Не искал выхода каждую минуту.

Работал.

Лера заметила, как он смотрит на листы.

Когда ненадолго вышли в коридор, спросила:

— Есть новости?

Артём кивнул.

— Он был здесь. Нина провожала двадцать три дня назад.

Лера остановилась.

В её лице появилось то осторожное участие, которое он запомнил по вчерашнему разговору.

— Куда ушёл?

— В горы. К инженеру, который знает старую систему.

Она некоторое время молчала.

— Это уже конкретные сведения.

— Да.

Артём посмотрел в сторону аппаратной.

Оттуда доносился голос Сашки.

— Я всё время думаю, что мог приехать раньше.

Лера поправила ремень укладки.

— Вы не знали, куда. И не могли выбирать скорость сообщения.

Он хотел возразить, но понял, что возражать нечему.

Нина подошла к ним с кружкой.

— Чай пока горячий. Еды тоже принесут, только вы не уходите далеко, я вас потом не найду.

Лера взяла кружку обеими руками.

— Мне нужен ещё один человек, который знает больных по именам. Чтобы не перепутать назначения и не заставлять вас бегать.

— Дам. У нас есть фельдшер, только она последние дни сама еле стоит.

— Пусть сначала поест. Потом вместе посмотрим.

Нина кивнула.

Из соседнего помещения донёсся смех.

Не детский — взрослый, короткий, почти недоверчивый.

Кто-то говорил про корабль.

Другой возражал, что пока рано.

Артём посмотрел туда.

У одной из занавесей женщина разворачивала чистую рубашку, осматривала воротник и снова складывала. Возможно, просто собирала вещи после стирки.

Но теперь в каждом таком движении легко было увидеть подготовку к дороге.

Он вспомнил слова Леры о совпадениях.

Надежда заставляла приписывать смысл всему.

Нина тоже прислушалась.

— Уже собираются, — сказала она.

Она говорила тихо, чтобы не услышали в соседнем помещении.

— Я ведь объяснила, что пока никто не обещал.

Лера держала кружку, грея пальцы.

— Объяснить всё равно нужно. Даже если слышат только половину.

Они прошли к небольшому хозяйственному помещению, где стояли ёмкости с водой.

Здесь было тише.

Нина закрыла за собой дверь не до конца.

— Я хотела ещё спросить, — сказала она. — Про детей. Не про лекарства.

Лера подняла глаза.

— Что именно?

Нина посмотрела на Артёма, затем снова на врача.

— Они у нас иногда воду слышат.

Артём перестал поправлять ремень.

Лера поставила кружку на полку.

— Где?

— В разных местах. Чаще в нижнем переходе, но и в залах бывает. Говорят, море под полом.

Некоторое время слышно было только работу вентиляции.

Артём смотрел на Нину.

Та, кажется, ожидала другой реакции — вопроса о трубах, предложения осмотреть насос.

Лера спросила:

— Когда это началось?

— Здесь давно слышали. Я сначала думала, дети друг друга пугают. Потом сама услышала.

— На что похоже?

Нина задумалась.

— Вода подходит к берегу. Потом мелкие камни шуршат. Я у моря жила, этот звук знаю.

Артём почувствовал холод под одеждой.

В комнате гарнизона было именно так.

Нина не могла этого знать.

Он ещё никому здесь не рассказывал.

— Насос у вас работает с перерывами, — сказала Лера. — Совпадение проверяли?

— Проверяли. Было, когда всё выключали. Вообще всё. Аккумуляторы берегли, лампы только ручные оставили. А оно слышалось.

Она говорила негромко, без желания убедить любой ценой.

— И не всем. Одни слышат, другие рядом сидят и ничего.

Лера обдумывала.

— У тех, кто слышит, головные боли, температура, нарушения сна?

— У кого здесь сон хороший? — Нина устало улыбнулась. — Но чтобы вместе с этим, не замечала. Кирилл тоже спрашивал.

Артём поднял голову.

— Он слышал?

— Говорил, что ещё после посадки. Потом здесь пару раз. Записывать пробовал, но получалось плохо.

Нина посмотрела на него.

— Я думала, он вам рассказывал.

Артём покачал головой.

В коротком сообщении брата не было ни воды, ни звуков.

Только поселение.

Только выход.

Лера перевела взгляд с него на Нину, но вопроса не задала.

— Я посмотрю детей, — сказала она. — И условия в нижнем переходе тоже. Но сейчас объяснить это не могу.

Нина кивнула.

Кажется, именно такого ответа ей и хотелось.

Не подтверждения.

Не уверенного опровержения.

Признания, что вопрос существует.

Они вернулись к больным.

За дверью хозяйственного помещения насос включился с короткой дрожью, и Артём невольно обернулся.

Сейчас звук был обычным.

Механизм набирал обороты, вода проходила по трубе, клапан слегка постукивал.

Он понимал, что слышит.

Это уже не приносило прежнего успокоения.

Ближе к вечеру Горин собрал предварительные сведения.

Осмотренные помещения, число людей, оружие, медицинское состояние, работающий узел, подтверждённый контакт с транспортом.

Саша подготовил запись разговора с «Орионом».

Артём помог передать изображения залов.

Горин снимал так, чтобы были видны общие условия, проходы, койки, вода и вентиляция. Лиц без необходимости не приближал.

Увидев направленную аппаратуру, некоторые отворачивались.

Одна женщина закрыла ребёнку голову краем одеяла, хотя тот не спал и сердился.

Капитан опустил камеру.

— Достаточно, — сказал он.

Нина стояла рядом.

— Им нужно увидеть, сколько нас?

— И в каких условиях вы живёте.

Она посмотрела на погасший экран.

— Только не называйте всех военными, если на человеке старая куртка. Здесь других иногда просто нет.

Горин выдержал её взгляд.

— Я передаю то, что установлено.

— Хорошо.

Она произнесла это без облегчения.

Опыт, по-видимому, не позволял ей верить словам сразу.

В аппаратной Саша передал пакет.

Пришлось ждать подтверждения.

Связь с гарнизоном шла через переносной блок; часть изображений отправили повторно.

Павел принёс стул, но Горин остался стоять.

Артём видел, как капитан время от времени смотрит на часы.

Снаружи приближался вечер.

Для возвращения медицинской машины требовалось решение: оставить часть препаратов, вывезти тяжёлых, направить ещё людей.

Но теперь к этому прибавились корабль и несколько сотен жителей.

Они уже не могли просто закончить обследование.

Саша получил подтверждение приёма.

Потом ещё одно сообщение.

Он прочитал и передал капитану.

— Полковник будет на прямой связи.

Горин взял наушник.

В комнате стало тише, хотя никто не просил молчать.

Нина стояла у шкафа.

Артём — возле двери.

В коридоре Тим негромко объяснял кому-то, что звезда большая и внутри у неё люди.

— Да, товарищ полковник, — сказал Горин. — Докладывал. Узел обнаружен, контакт с транспортом подтверждён...

Он слушал.

— Военного использования не установлено. Аппаратура смешанная, восстановлена местными...

Пауза.

— Оружие имеется. Три единицы со слов старшей, осмотрены. Организованного подразделения не обнаружено.

Артём посмотрел на Нину.

Она не двигалась.

Но взгляд её изменился.

Женщина слышала только ответы Горина и, вероятно, уже понимала больше остальных.

Капитан продолжил:

— Среди жителей могут быть бывшие военнослужащие обеих сторон. Индивидуальную проверку не проводили. Здесь есть гражданские, дети и тяжёлые больные. Изображения переданы.

Из наушника донёсся слабый звук чужого голоса.

Слов Артём не разобрал.

Горин чуть повернул голову, словно старался лучше услышать.

— Прошу уточнить основание для прекращения связи. «Орион» принял гражданский сигнал бедствия. Их капитан не запрашивала военных сведений, только условия...

Он замолчал.

Плечи под жилетом оставались неподвижными.

Артём вдруг вспомнил, как Горин у насосной сказал, что не нужно любой ценой включать насос.

Там всё было просто.

Опасная опора, действующая нагрузка, люди рядом.

Можно было показать трещину.

Здесь капитан тоже показывал.

Передал изображения.

Назвал детей.

Но собеседник находился слишком далеко, чтобы увидеть всё иначе, чем хотел.

Горин выслушал до конца.

— Приказ принял, — сказал он.

Снял наушник.

Несколько секунд смотрел на прибор в руке.

Саша ждал.

Нина первой спросила:

— Что сказали?

Капитан положил наушник на стол.

— Передающую аппаратуру предписано отключить. До прибытия военной полиции никто не покидает убежище.

Павел выпрямился.

— Зачем полиция? Мы же сами вызвали помощь.

Горин посмотрел на него.

— Я передал, что здесь гражданские.

— А они что ответили? — спросила Нина.

Капитан не отвёл глаз.

— Задержать жителей для проверки. Всех.

Из коридора донёсся голос Тима:

— Я же говорил, она нас услышала.

Глава VI. Неповиновение

Горин ещё раз надел наушник.

В аппаратной никто не двигался. Только на стене, возле кабеля, медленно поворачивалась маленькая тень от вентилятора.

— Прошу подтвердить приказ с учётом медицинского состояния людей, — сказал капитан. — Здесь дети и лежащие больные. Организованного вооружённого подразделения не обнаружено. Переданные материалы это показывают.

Артём стоял возле двери.

Нина смотрела на аппарат, словно ответ должен был появиться на нём в виде понятной строки, которую можно перечитать и исправить.

Горин слушал.

По тому, как изменилось его лицо, Артём понял: полковник не собирается ничего исправлять.

— Индивидуальную проверку провести можно на месте, — продолжил капитан. — Для этого не требуется прекращать связь с гражданским транспортом. Предлагаю сохранить канал под нашим контролем до решения по эвакуации.

Из наушника донёсся резкий голос.

Горин замолчал.

Капитан не опустил глаза, не отвернулся от стоявших рядом людей. Просто слушал, держа свободную руку на краю стола.

— Понял, — сказал он наконец. — Прошу направить медицинскую группу с возможностью перевозки тяжёлых.

Последовала ещё одна пауза.

— Да. До прибытия полиции остаёмся на месте.

Он снял наушник.

Саша медленно убрал ладонь с панели.

На экране приёмного блока по-прежнему светилась отметка ожидаемого сеанса с «Орионом».

— Передатчик отключаем? — спросил связист.

Горин посмотрел на него.

— Сначала сообщите кораблю, что сеанс прекращается по распоряжению наземного командования. Коротко. Без сведений о людях сверх уже переданного. Потом отключайте передачу, питание убежища не трогать.

Нина шагнула к столу.

— Они ведь нас снова потеряют.

Капитан повернулся к ней.

— Им будет известно, почему связь оборвалась.

— Известно — и что дальше? Они от этого сюда не сядут.

Горин помолчал.

— Я запросил пересмотр.

Нина смотрела на него долго.

Потом отступила к шкафу и прижала к животу связку ключей.

Саша вышел на «Орион».

Ответили не сразу.

Артём видел, как связист чуть наклонился вперёд, будто это могло сократить расстояние.

Голос с корабля оказался другим — мужским, ровным, с едва заметной задержкой между фразами.

Саша передал сообщение.

На той стороне попросили повторить основание.

Он повторил.

Потом некоторое время слушал и, не глядя на Горина, спросил:

— Наземный канал для официального запроса можно дать?

Капитан продиктовал.

Саша внёс данные, дождался подтверждения.

— Принято, поселение шесть, — сказали с корабля. — Ваш вызов бедствия зарегистрирован. Сохраняйте возможность приёма, если это допустимо по состоянию оборудования.

Связист посмотрел на капитана.

Тот кивнул.

— Передачу отключить. Приём оставьте.

Саша перевёл переключатель.

Слабый тон исчез.

Ничего другого не изменилось.

Горели лампы. Работал вентилятор. За дверью кто-то передвинул ведро.

И всё же Артём ощутил, как помещение стало замкнутым.

Нина подошла к столу и посмотрела на погасший индикатор.

— Я людям скажу, что пока проверяют, — произнесла она. — Только вы потом сами объясните, если это окажется не так.

Она вышла.

Горин остался у аппаратуры.

Артём смотрел на него и пытался понять, где сейчас проходит граница между возможностью возразить и обязанностью подчиниться.

Капитан сделал больше, чем требовал простой доклад.

Передал изображения.

Назвал число детей.

Потребовал проверку.

Но передатчик всё равно выключили.

— Векшин, — сказал Горин. — Медицинскому отсеку помогите. Если начнут перемещать людей, сначала тех, кому без помощи не пройти. Самостоятельно никуда не уходить.

Артём кивнул.

В коридоре Тим сидел на перевёрнутом ведре.

Мальчик поднял голову.

— Звезда ещё говорит?

Артём остановился.

— Сейчас разговаривают взрослые. Через другой канал.

Артём услышал, как глухо прозвучал его ответ. Тим всё ещё ждал объяснения.

— Нина сказала, пока вещи не складывать.

— Лучше помоги ей с тем, что попросит.

Мальчик соскользнул с ведра, взял его за ручку и пошёл к столовой.

Артём проводил его взглядом.

Потом вернулся к Лере.

Она стояла возле дальней койки, проверяя повязку на ноге пожилого мужчины.

Укладка была открыта, санитар раскладывал использованный инструмент отдельно от чистого.

— Передачу прекратили, — сказал Артём.

Лера не подняла головы.

— Слышала.

— Приедет полиция.

Теперь она посмотрела на него.

— Когда?

— Не сказали точно.

Лера закончила закреплять повязку и выпрямилась.

На лице у неё не было удивления.

Только усталость стала заметнее.

— Тогда помогите освободить проход. И найдите Нину. Мне нужно знать, кто из детей идёт с родственниками, а кто с чужими людьми.

— Думаете, их повезут?

— Думаю, нам лучше подготовиться к тому, что решения будут принимать без нас.

Она сказала это негромко, чтобы не услышали больные.

Артём отодвинул ящик, поставил его под койку.

В соседнем отсеке женщина складывала в сумку детские вещи. Осторожно, так, будто от аккуратности зависело, позволят ли сумку взять.

Когда он проходил мимо, спросила:

— Нас отсюда уберут?

— Пока не знаю.

Женщина кивнула и продолжила.

Нина пришла с небольшой тетрадью.

В ней были имена, возраст, отметки о болезнях и родственниках.

Лера попросила посадить детей ближе к своим взрослым, а тех, кто не мог идти, оставить в медицинском отсеке.

— Сюда не нужно всех сразу, — сказала она. — У нас должен оставаться проход и возможность подойти к каждой койке.

Нина распоряжалась быстро.

Люди слушались её неохотно лишь в мелочах: кому взять ещё одеяло, кто может понести чужую сумку, нужно ли искать ботинок, который ребёнок потерял вчера.

В главном спорить не пытались.

Артём увидел, что тревога меняет убежище раньше, чем появляется сама опасность.

Кто-то начинал говорить слишком громко.

Кто-то прятал вещи, которые до этого лежали открыто.

Старик в выцветшей куртке снял её и надел поверх свитера чужую безрукавку.

Женщина, чинившая детскую одежду, аккуратно завернула ножницы в тряпку и убрала на верхнюю полку.

Всё это можно было принять за приготовления к обычной проверке.

Но люди уже старались выглядеть иначе.

Дёмин спустился снаружи, чтобы сменить аккумулятор фонаря.

Увидев Артёма с носилками, помог повернуть их в тесном проходе.

— По этим углам потом не разойдёшься, — сказал он. — Лучше заранее длинную сторону проверить.

Они перенесли носилки через поворот, вернулись обратно.

Проход оказался достаточно широким, если отодвинуть одну из коек.

Дёмин снял перчатку, потёр пальцы.

— Там Круглов спрашивал, будем ли на ночь оставаться. Я ему сказал, что мы здесь не планируем, мы присутствуем.

Артём невольно улыбнулся.

Дёмин посмотрел на него.

— Вы хоть поели? А то лицо, как после трёх смен.

— Ел.

— Тогда, значит, просто лицо.

Он убрал аккумулятор и собрался уходить.

— Если нас задержат до утра, — добавил Дёмин, — напомните Осипову, чтобы лук от окна убрал. Ветер поворачивает, замёрзнет.

Артём кивнул.

Дёмин прошёл дальше, придерживая ладонью выступавший из кармана свёрток.

От него пахло холодным воздухом.

Полиция прибыла, когда свет из верхнего тамбура стал серым.

Сначала в наушнике Горина заговорил Осипов.

Потом сверху донёсся шум шагов, металлический стук переносимого оборудования, короткие команды.

Нина подняла голову.

Артём стоял у медицинского отсека и видел, как она выпрямляется, словно собиралась встретить людей в собственном доме.

Через несколько минут в проходе появился старший лейтенант.

Лет тридцати пяти, плотный, с короткой шеей и гладко выбритым лицом. На защитном жилете — знак военной полиции. Перчатки убраны за пояс, оружие висит поперёк груди.

За ним шли ещё двое.

Горин встретил их у двери аппаратной.

— Капитан Горин.

— Старший лейтенант Климов. Где ответственная за размещение?

Нина шагнула вперёд.

— Здесь.

Климов окинул её взглядом, затем посмотрел в коридор.

— Людей собрать по помещениям. Переходы пока закрыть, никто не перемещается без сопровождения. Документы и личные данные подготовьте.

— Здесь многие без документов, — сказала Нина. — Я вам список дам.

— Список дадите. Проверять будем каждого.

Он повернулся к одному из полицейских.

— Вход под контроль. Остальные вниз по распределению. Санитарную машину оставить у технического подъезда, фельдшер пусть спускается с укладкой.

Горин задержал его.

— Тяжёлых осматривает наш врач. До её заключения не перемещать.

— Медицинских потом отдельно.

— Я сказал: до заключения не перемещать.

Климов посмотрел на капитана.

Несколько секунд они молчали.

Потом старший лейтенант коротко кивнул.

— Пусть врач составляет список.

Он пошёл по коридору.

Артём смотрел на прибывших.

Они не выглядели людьми, приехавшими убивать.

Один был совсем молод, с натёртой переносицей под защитными очками. Другой, постарше, осторожно обходил выступавшие ящики, чтобы не задеть ногой. У третьего за ремень был зацеплен карандаш.

Можно было представить, как они утром пили чай, искали нужные перчатки, спорили с водителем.

Теперь те же люди расставляли вооружённые посты возле детских коек.

Климов осмотрел оружейную.

Нина открыла небольшую кладовую. Ружья и автомат вынесли, записали, увезли наверх. Ключ старший лейтенант вернул женщине.

Потом потребовал освободить место под проверку.

Горин предложил боковую комнату.

Климов посмотрел, покачал головой.

— Слишком тесно. Здесь ставим стол, здесь очередь. Проверенные — в дальний зал.

Нина нахмурилась.

— Там больные и семьи. Вы их перемешаете.

— Значит, временно подвинете.

— Не все могут подвинуться.

Он повернулся к ней.

— Вы хотите, чтобы это закончилось быстрее?

Нина молчала.

Старший лейтенант распорядился перенести стол в расширение коридора перед первым залом.

Получился узкий участок между двумя проходами: один вёл к входу, другой — к жилым помещениям. По краям поставили полицейских.

Артёму это сразу не понравилось.

Слишком много людей должно было пройти через одно место.

Слишком легко возникала давка.

Он подошёл к Горину.

— Если здесь встанут с вещами, медицинский проход закроется.

Капитан посмотрел, позвал Климова.

После короткого спора стол сдвинули ближе к стене, а носилки оставили у свободного края.

Теперь к носилкам можно было подойти с обеих сторон.

Проверка началась медленно.

Называли имя, место проживания до убежища, прежнюю работу. Спрашивали, кто пришёл с человеком, кто может подтвердить сведения.

У кого имелись документы, прикладывали к считывателю.

У остальных ответы заносили вручную.

Молодой полицейский дважды переспрашивал одну и ту же фамилию, пока пожилая женщина не разозлилась и не продиктовала по буквам.

— Слух у меня нормальный, — сказала она. — Это вы записываете не то.

Он покраснел, исправил.

Кто-то тихо усмехнулся.

Напряжение на несколько секунд ослабло.

Артём помогал Лере.

Принесли ещё одно одеяло, нашли чистую ткань, поставили воду ближе к лежащим.

Фельдшер полиции оказался молчаливым мужчиной с обветренным лицом. Он осмотрел больных вместе с Лерой, не спорил, когда она указывала на опасность перевозки.

Они разговаривали профессионально и почти без лишних слов.

Один человек придерживал свет, другой смотрел повязку.

Артём на миг почувствовал надежду.

Может быть, всё ограничится долгой неприятной проверкой.

Может быть, Горин добьётся сохранения приёма, Лера — эвакуации тяжёлых, а к утру придёт иной приказ.

Эта мысль продержалась недолго.

Из прохода позвали мужчину по имени Илья.

Он вышел из жилого зала, держа за руку девочку лет четырёх. На плече висела мягкая сумка.

Девочка сонно прижималась к его ноге.

Полицейский у стола указал в сторону дальнего помещения.

— Сумку оставить, ребёнка к женщинам. Вы отдельно.

Мужчина остановился.

— Она со мной. Жены нет, мы вдвоём.

Полицейский посмотрел в запись.

— Тогда к старшей. После проверки заберёте.

Девочка крепче вцепилась в пальцы отца.

— Она с чужими не пойдёт, — сказал мужчина. — Давайте вместе, я всё отвечу.

Климов в это время разговаривал с Гориным у входа в аппаратную. Нина находилась в другом конце зала, помогала подняться старухе.

Артём видел сцену из медицинского прохода.

Полицейский возле стола устало потянулся к девочке.

Не резко, скорее пытаясь закончить ненужную задержку.

Та отступила за отцовскую ногу и заплакала.

— Не трогайте её, — сказал Илья.

Теперь уже громче.

Состоявший у противоположной стены полицейский развернулся.

На правой щеке у него белел короткий шрам.

— Руки покажите. Сумку на пол.

Илья посмотрел на него.

Потом на сумку.

Он держал её за короткую лямку, и девочка, испугавшись направленного оружия, неожиданно вырвала руку и метнулась в проход.

Кто-то из стоявших там людей попытался её поймать.

Она споткнулась.

Илья бросил сумку и шагнул за ней.

Всё произошло очень быстро.

Полицейский со шрамом поднял оружие.

Артём успел крикнуть:

— Он к ребёнку!

Выстрел ударил по коридору с такой силой, будто лопнула труба.

Илья развернулся боком и упал.

Девочка осталась на полу, опираясь ладонями на бетон.

Несколько мгновений она смотрела на отца.

Потом закричала.

Артём уже двигался.

Он не помнил, как пересёк проход.

Увидел только, что ствол всё ещё направлен туда, где лежали люди.

Схватил оружие у передней части, отвёл вниз и всем телом прижал полицейского к стене.

— Опустит! — сказал он. — Ребёнок там, опусти!

Полицейский дёрнулся, пытаясь вырвать автомат.

Ремень натянулся между ними.

Артём почувствовал чужое дыхание, запах пота и резины.

Справа кто-то резко приказал убрать руки.

Он не повернул головы.

Нужно было удержать ствол.

Не дать снова поднять.

Полицейский ударил его плечом, попытался развернуться, но Артём сместил вес и прижал оружие ниже.

Рядом появился Дёмин.

Артём увидел его рукав, открытую ладонь.

— Стой, свои! — сказал Дёмин кому-то за его спиной. — Не стреляй, разберёмся!

Следующий звук оказался короче первого.

Дёмин дёрнулся.

На секунду его лицо стало удивлённым.

Он посмотрел вниз, будто что-то толкнуло его в грудь, затем медленно осел, скользнув плечом по стене.

Артём повернулся.

У дальнего края прохода стоял второй полицейский.

Оружие у него ещё не опустилось.

Лицо за прозрачной защитой было совсем белым.

Артём увидел движение пальца.

Оттолкнул первого, высвободил свой автомат из-под ремня и выстрелил.

Полицейский согнулся, ударился бедром о край стола и рухнул за него.

Кто-то закричал, чтобы все ложились.

Стол опрокинулся.

Детский крик стал выше и тоньше.

Артём отступил к стене, пытаясь одновременно видеть проход и то место, где упал Дёмин.

Первый полицейский сидел на полу, прижимая автомат к себе. Не стрелял. Смотрел на упавшего товарища.

Горин оказался рядом почти сразу.

— Оружие вниз! — крикнул он. — Всем вниз! Никому не двигаться!

Климов выбежал из-за поворота.

Он видел уже другую картину.

Своего раненого за столом.

Артёма с оружием.

Дёмина у стены.

И людей, которые в панике бросились назад, в жилой зал.

— На группу нападение! — закричал кто-то сверху.

Из входного коридора донеслись ещё выстрелы.

Пыль брызнула с косяка.

Осипов что-то выкрикнул, но слова утонули в грохоте.

Горин толкнул Артёма за выступ стены.

Сам остался на виду.

— Прекратить огонь! — он кричал так, что голос сорвался. — Здесь свои и гражданские! Климов, убери людей от входа!

Старший лейтенант обернулся к лестнице.

Несколько секунд Артём не понимал, кто куда стреляет.

Он прижал спину к бетону, опустил ствол и заставил себя смотреть.

Не на всё сразу.

На отдельные вещи.

Лера ползла к Илье.

Санитар прижимал девочку к полу, закрывая собой.

Нина, стоя на коленях, вытаскивала из прохода старуху.

Дёмин лежал неподвижно.

Артём опустился рядом.

— Сергей.

Тот не ответил.

Кровь шла у основания шеи, там, где защита не закрывала тело.

Артём прижал ткань, чувствуя под ладонью тепло.

На рукаве Дёмина осталась нитка от утренней починки.

Тонкая, с маленьким узлом.

Он почему-то заметил именно её.

— Лера! — позвал он.

Голос прозвучал хрипло.

Она подняла голову.

Быстро посмотрела на Илью, прижала его руку к повязке и подползла к Дёмину.

Артём отодвинулся на несколько сантиметров, давая место.

Лера проверила дыхание.

Потом шею с другой стороны.

Её лицо изменилось едва заметно.

Она посмотрела на Артёма.

Не сказала сразу.

Он понял раньше.

— Ещё проверьте, — произнёс он.

Лера не отняла руки.

Сделала то, что он просил.

Потом тихо сказала:

— Артём, мне нужен проход к другому раненому.

Он продолжал держать ткань.

Под ладонью было мокро.

— Он же только...

Слова оборвались.

Дёмин утром вытряхивал песок из ботинка.

Просил убрать лук от окна.

Несколько минут назад помогал поворачивать носилки.

Лера накрыла Артёмову кисть своей.

— Отпустите. Здесь уже нельзя помочь.

Рядом снова ударили по стене.

Горин крикнул что-то Климову.

Артём медленно разжал пальцы.

Лера сняла с ближайшей койки одеяло и прикрыла Дёмину лицо.

Потом повернулась к упавшему полицейскому.

Тот лежал за столом, прижимая обеими руками бедро.

Между пальцами быстро темнела ткань.

Он смотрел на Леру так, будто не понимал, почему она приближается.

— Руки уберите, — сказала она. — Я врач.

— Я...

— Потом. Сейчас руки.

Она разрежала ткань, позвала фельдшера.

Тот уже пробирался через проход, пригнув голову.

Артём видел, как они работают рядом с человеком, который только что убил Дёмина.

Внутри поднялось что-то тяжёлое, горячее.

Не мысль.

Желание, чтобы Лера сначала ещё раз подошла к Сергею.

Чтобы не тратила время здесь.

Чтобы сделала мир хотя бы на несколько секунд справедливее.

Потом полицейский застонал, совсем по-человечески, и Артём почувствовал отвращение к собственному желанию.

Лера затягивала средство остановки кровотечения.

Фельдшер придерживал ногу.

— Давление держите, — сказала она. — И приготовьте переноску. Его надо наверх, без задержки.

Фельдшер кивнул.

На жилете раненого виднелась фамилия.

Ермаков.

Артём прочитал её дважды.

Ермаков пытался приподнять голову.

— Я думал... он оружие...

Лера даже не посмотрела в его сторону.

— Лежите. Сейчас разговорами вы себе не поможете.

Она проверила, что кровотечение остановлено, закрепила всё ещё раз и только после этого позволила фельдшеру позвать двух человек.

Раненого подняли.

Один из полицейских хотел забрать автомат, но Горин остановил его.

— Оружие отдельно. Никто ничего не трогает до осмотра.

Климов резко повернулся.

— Ваш человек стрелял в моего.

Горин указал на Дёмина.

— Ваш человек убил моего. И до этого выстрелили в гражданского. Здесь никто больше не должен стрелять.

Они стояли почти вплотную.

Артём видел, что у капитана дрожит нижняя челюсть.

Не от страха.

От усилия удержать голос.

Климов посмотрел на тело под одеялом.

Потом на кровь возле опрокинутого стола.

На несколько секунд он словно перестал понимать, какой приказ отдавать следующим.

Лера воспользовалась паузой.

— Дайте провести гражданского раненого в медицинский отсек. И ребёнка уберите из прохода.

Илья был жив.

Он лежал бледный, с мокрыми волосами у висков. Повязка на боку держалась, но переносить его нужно было осторожно.

Девочка сидела возле стены на руках у санитаря.

Не плакала.

Смотрела на отца и повторяла:

— Мы же вместе.

Нина присела перед ней.

— Сейчас вместе пойдём. Только папе надо лечь на носилки.

Артём встал.

Ноги слушались не сразу.

В коридоре пахло порохом, пылью и кровью. Лампа над столом была разбита. Свет давали соседние, и лица казались серыми.

Из верхнего прохода всё ещё доносились команды.

Горин передавал в связь:

— Огонь прекратить. Раненые и погибший. Повторяю: прекратить. Осипов, оружие опустить, вход не оставлять...

Ответ пришёл с треском.

Осипов был жив. Артём только теперь смог разжать пальцы на ремне.

Нина коснулась его рукава.

— Помогите перенести.

Он взял носилки.

Санитар — с другой стороны.

Они подняли Илью и осторожно понесли к медицинскому отсеку.

Никто не преградил им путь.

За поворотом шум стал глуше.

В жилом зале люди лежали на полу между койками. Некоторые сидели, закрыв головы руками. Ребёнок плакал под одеялом. Женщина у стены прижимала к груди маленькую пустую сумку и раскачивалась.

Нина остановилась на пороге.

— Подниматься пока не надо. К проходу не идите.

Она сказала это достаточно твёрдо, чтобы её услышали.

Но Артём заметил: голос у неё тоже дрожал.

Они перенесли Илью в медицинский отсек.

Лера пришла следом.

Открыла укладку, осмотрела повязку.

— Сейчас спокойно лежать. Перевозить надо, но сначала я посмотрю ещё раз.

Илья пытался повернуть голову.

— Дочь...

— Здесь, — сказала Нина.

Девочку посадили на соседнюю койку, так, чтобы он её видел.

Она сразу потянулась к нему.

Артём отвернулся к стене.

На ней висел лист с дежурствами.

Под одним именем кто-то поставил маленькую звёздочку карандашом.

Он смотрел на неё, пока не перестало темнеть в глазах.

Саша появился через минуту.

Без ящика, только с переносным блоком на ремне.

— Горин велел передать: оставаться здесь. Он требует отдельную медицинскую эвакуацию.

Связист говорил быстро.

Лицо у него было белое.

— Дёмин? — спросил он.

Артём покачал головой.

Саша посмотрел за его плечо, будто надеялся найти другой ответ.

Потом опустил глаза.

В проходе снова закричали.

Кто-то требовал открыть дальний зал.

Тяжело ударили в дверь.

Нина выпрямилась.

— Там старики и дети.

Она пошла к выходу, но Лера остановила:

— Сейчас не через центральный проход.

Женщина замерла.

Посмотрела в сторону хозяйственного коридора.

На лице появилось выражение, которое Артём прежде не видел.

Решение.

— Есть другой путь, — сказала она негромко. — Для тех, кто может идти. Через старую подачу, под западным корпусом.

Саша поднял голову.

— Наружу?

— К нижним домам. Мы им пользуемся, когда на площадке опасно.

Артём посмотрел на Леру.

Она проверяла Илье пульс.

Подняла глаза.

— Длина?

— Не знаю в шагах. Минут десять без вещей. С носилками дольше. Там один узкий поворот.

Саша покачал головой.

— Нам приказали оставаться.

Из центрального коридора донёсся ещё один резкий окрик.

Потом детский плач.

Нина не стала спорить.

— Я людей поведу. Кто захочет, останется. Но детей здесь больше собирать в очередь не будут.

Она посмотрела на Артёма.

— Вы умеете смотреть проходы. Скажите, можно ли с носилками.

Артём почувствовал, как внутри всё становится холодным и ясным.

Он мог остаться.

Дождаться Горина.

Попробовать объяснить, почему стрелял.

Возможно, его выслушали бы.

Возможно, капитан сумел бы остановить происходящее.

Но он уже видел Дёмина под одеялом и ребёнка на бетонном полу.

— Покажите, — сказал Артём.

Саша шагнул за ним.

— Я Горину сообщу.

— Сообщите.

Нина отвела занавесь за дальней койкой.

За ней оказался короткий проход к кладовой.

Ящики стояли вдоль стен, оставляя узкую дорожку. В конце была дверь, обитая листовым металлом.

Нина вынула ключ.

Руки слушались плохо, и Артём придержал замок, пока она поворачивала.

За дверью пахло холодом.

Луч фонаря показал нисходящий проход, трубы под потолком и узкую полосу сухого пола.

Артём сначала осмотрел верх.

Потом ступени.

Здесь действительно ходили. На стене висел рабочий светильник, ниже стояла лопата с чистым, затёртым черенком.

Он подал камеру вперёд.

Первый поворот был свободен.

Дальше начиналась низкая галерея.

С носилками пройти можно было, но пришлось бы нести их ближе к полу.

— Где выход?

— За нижними домами, в старом хозяйственном дворе. Там наши знают. Дверь изнутри закрыта, откроем.

Артём повернулся к ней.

— Кто-нибудь должен идти впереди с ключом. Ещё человек остаётся на каждом повороте, чтобы никто не свернул. Свет пока не гасить.

Нина сразу повернулась к людям: нужно было найти ключ и расставить проводников на поворотах.

Саша вышел на связь.

Говорил тихо, прикрыв микрофон ладонью.

— Товарищ капитан, здесь запасной выход. Нина выводит детей. Векшин проверяет проход. Есть возможность вынести гражданского раненого.

Горин ответил не сразу.

Из динамика доносился шум.

Потом:

— Сколько людей?

Саша посмотрел на Нину.

Та покачала головой.

Считать было некогда.

— Пока не знаю. Медицинский отсек и ближний зал.

Пауза стала длиннее.

Артём стоял у открытого прохода и ждал.

Он слышал, как в соседнем помещении Лера просит принести ещё одну перевязочную упаковку.

Наконец Горин заговорил:

— Ремезов, сопровождайте раненых. Обеспечьте связь, передайте положение после выхода. Это приказ.

Саша закрыл глаза на мгновение.

— Понял.

Артём взял микрофон.

— Товарищ капитан, с нами можно вывести...

— Векшин, я слышал. Людей не бросать. В центральный коридор не возвращаться.

За словами капитана снова прозвучал чужой голос.

Требовал что-то немедленно.

Горин ответил уже не в связь.

— Здесь сначала должны перестать стрелять!

Канал оборвался.

Артём остался с микрофоном в руке.

Капитан не сказал, что разрешает уходить всем.

Не сказал, что сам поможет.

Но Саша получил прямой приказ.

И Артёму велели не возвращаться.

Он не знал, сколько в этом было решения, а сколько попытки выиграть хотя бы несколько минут.

Нина уже распоряжалась.

Говорила людям негромко, переходя от одной койки к другой.

Не звала всех сразу.

Сначала дети с теми, кто за них отвечает. Потом те, кто может помочь больным. Вещей — столько, сколько не мешает идти.

Паника не исчезла.

Она изменила направление.

Люди начали двигаться.

Кто-то искал ребёнку шапку.

Кто-то пытался унести сразу две сумки.

Старуха отказывалась оставлять металлическую кастрюлю, пока женщина рядом не вложила ей в руки маленький свёрток и не сказала, что кастрюлю заберут позже.

Тим стоял у стены.

На нём была куртка с длинными рукавами, в руке — сложенное одеяло.

Нина взяла его за плечо.

— С маленькими пойдёшь. Следи, чтобы за руки держались.

Он кивнул.

Лицо было неподвижным.

Артём вспомнил, как мальчик говорил про звезду.

С того разговора прошло совсем немного времени.

Первыми в галерею ушли двое местных мужчин с ключом и фонарём. За ними — несколько взрослых с детьми.

Саша остался у входа, проверяя связь.

Лера собрала укладку.

Фельдшер полиции больше не возвращался: увёз Ермакова наверх.

Раненый был передан живым, кровотечение удалось остановить.

Лера ничего не сказала об этом.

Просто убрала использованное и взяла то, что ещё могло понадобиться.

Артём помог закрепить Илью на носилках.

Тот дрожал.

Девочка стояла возле головы, прижимая к щеке край одеяла.

— Я буду рядом, — сказала Лера. — Но вам нужно не пытаться сесть. Смотрите на меня, если станет хуже.

Илья едва заметно кивнул.

В дальнем зале зашумели.

Кто-то начал спорить с полицейским.

Слова были неразборчивы, но в голосах уже слышалась та высота, после которой люди перестают понимать друг друга.

Нина посмотрела туда.

Артём понял, что она собирается вернуться.

— Я проведу первых, — сказала она. — Потом посмотрим, сколько ещё выйдет.

— Там Горин, — ответил Артём.

Она посмотрела на него.

Он не знал, было ли это достаточным основанием.

Но другого сейчас не имел.

Нина взяла за руку девочку Ильи.

Они пошли в галерею.

Артём нёс передний конец носилок, санитар — задний.

Проход был ниже, чем казался с порога.

Пришлось согнуться, внимательно следя, чтобы не задеть головой трубу.

Под ногами хрустел старый раствор.

Впереди двигалась цепочка людей. Свет фонарей ложился на стены короткими бледными полосами. Дети шли молча, лишь один раз кто-то попросил пить.

Сверху донёсся глухой удар.

Артём остановился.

Не выстрел.

Скорее что-то тяжёлое передвинули по полу.

Носилки чуть качнулись.

Илья застонал.

— Ровно держим, — сказала Лера. — Ещё немного, здесь поворот.

На повороте пришлось менять положение.

Артём опустился на одно колено, санитар подал задний конец выше.

Лера стояла сбоку, придерживая раненого и следя за повязкой.

Нина держала фонарь.

Девочка смотрела, не моргая.

Им удалось пройти.

В следующем участке потолок поднялся.

Артём выпрямился настолько, насколько позволял вес.

Руки начали неметь.

Он попытался переложить пальцы на рукояти и увидел на перчатке тёмный засохший след.

Кровь Дёмина.

Он едва не остановился.

Перед глазами возникло лицо у стены.

Удивление.

Открытая ладонь.

Артём смотрел под ноги и продолжал идти.

Сергей остался там.

В коридоре, под чужим одеялом.

Не было ни прощания, ни возможности вынести его вместе с остальными.

Мысль возвращалась с каждым шагом.

Он понимал, что сейчас нельзя иначе, и от этого не становилось легче.

Сзади догнал Саша.

— Дальняя группа идёт другим проходом, — сообщил он Нине. — Ваш человек сказал, до нижнего перехода открыто.

Женщина кивнула.

— Кто остался?

— Не знаю. Там несколько семей не пошли. Боятся выходить.

Нина остановилась.

Потом заставила себя двинуться дальше.

— Их нельзя тащить.

Это прозвучало как ответ самой себе.

Саша снова попытался связаться с Гориным.

Капитан ответил с треском.

— Медицинских вывели?

— Ведём. Пока в галерее.

— После выхода положение передать. На открытом не стоять. Дальше по состоянию людей.

Потом голос пропал.

Саша проверил прибор, посмотрел на потолок.

— Перекрытие. На следующем повороте попробую.

Лера спросила, сколько до выхода.

Нина ответила, что недалеко, но в её голосе Артём услышал сомнение.

Когда идёшь сам, дорога измеряется одним способом.

Когда несёшь раненого — другим.

За следующим поворотом обнаружилась задержка.

Пожилая женщина не могла подняться на три высокие ступени.

Взрослые впереди уже прошли, помогая детям, а она вцепилась в поручень и повторяла, что сейчас, сейчас получится.

Артём поставил носилки на свободный участок.

Илья тяжело дышал.

Лера осталась возле него.

Артём подошёл к женщине.

— Давайте помогу. За шею не держитесь, лучше за плечо.

— Я сама, — ответила она. — Я всегда здесь сама проходила.

— Верю. Сейчас просто быстрее вместе.

Он подставил руку, помог перенести вес.

На последней ступени у неё подвернулась нога.

Артём удержал, чувствуя, как под одеждой взмокла спина.

Женщина выбралась наверх и вдруг начала извиняться.

За задержку.

За тяжесть.

За то, что не взяла другую обувь.

Он не нашёл подходящих слов.

Только попросил её подождать у стены, пока подойдут остальные.

Вернулся к носилкам.

Илья смотрел на него.

— Дочка где?

— Впереди, с Ниной. Всё время рядом.

Он не был уверен, что раненый расслышал.

Но тот закрыл глаза.

У выхода пахло холодной землёй.

Этот запах показался Артёму почти невозможным после пороха и тесного тёплого убежища.

Передняя дверь открылась с трудом.

Снаружи пришлось отодвигать осыпавшийся песок.

Через щель проник серый свет.

Люди впереди зашевелились, но Нина сразу попросила не торопиться.

Выход находился в маленьком хозяйственном дворе.

С одной стороны стояла глухая стена, с другой — остатки теплицы. Над ними темнели жилые корпуса.

До учебного центра отсюда было дальше, чем Артём представлял.

Само здание закрывала гряда.

Снаружи выстрелов не слышали.

Только ветер ходил между стенами, перекатывая мусор у порога.

Первую группу сразу повели под крышу бывшей прачечной.

У местных были там запасные одеяла и несколько ёмкостей с водой.

Артём не спросил, почему они приготовлены.

Теперь понимал: люди давно жили так, чтобы иметь возможность уйти ещё раз.

Носилки поставили на широкие низкие ящики.

Лера сразу занялась Ильёй.

Санитар принёс свет.

Нина собрала возле стены тех, кто знал нижние дома, и начала распределять людей.

Говорила негромко, но уже увереннее.

В открытом пространстве её голос снова приобретал привычную твёрдость.

Саша нашёл место, где проходила связь.

Передал Горину положение, число вышедших из первой группы, состояние раненого.

Капитан ответил коротко.

Внутри ещё оставались люди.

Стрельба прекратилась.

Полиция собирала сведения и требовала выдать тех, кто напал на её сотрудников.

Саша не посмотрел на Артёма, когда повторил последнюю фразу.

В этом была ненужная деликатность.

И всё же Артём был за неё благодарен.

— Горин остался? — спросил он.

— Да. Осипов с ним. Круглов наверху, машину держит. Сказал, пока не трогали.

Артём кивнул.

Ему хотелось спросить о Дёмине.

Он знал ответ.

Но всё равно хотелось.

Саша понял.

— Капитан сказал, его заберут.

Артём отвернулся.

У стены лежало маленькое разбитое зеркало. В одном уцелевшем углу отражалось небо.

Серое, совершенно обычное.

Он снял перчатки.

Правая ладонь дрожала так сильно, что пришлось прижать её к бедру.

Он стрелял в человека.

Раньше у него были упражнения, охраняемые объекты, оружие, которое носили на случай опасности.

Теперь был Ермаков.

Фамилия на жилете.

Белое лицо за защитным стеклом.

И Дёмин, который успел сказать, что они свои.

Артём попробовал вспомнить момент выстрела.

Точно.

Без того, что додумала память.

Он видел направленное оружие.

Видел, как падает Сергей.

Повернулся.

Выстрелил.

Между этими движениями не было времени для решения, которое можно объяснить словами.

Но объяснять всё равно придётся.

Саша подошёл ближе.

— Векшин.

Артём поднял голову.

— Горин велел пока не возвращаться. Связь через меня. Если вызовут, сначала он сам подтвердит.

— Я слышал приказ, — ответил Артём.

Саша остался стоять рядом.

— Я видел, кто выстрелил первым. Если будут спрашивать, я это скажу.

Артём поднял на него глаза.

У Саши дрожали губы.

Он изо всех сил старался говорить ровно.

— Запись не вся есть. Но до падения стола часть сохранилась. Я переносной блок оставил включённым, когда пакет передавали. Камера была к проходу.

Артём не сразу понял смысл.

Потом кивнул.

— Сохраните отдельно.

— Уже.

Саша отошёл к двери, снова проверять связь.

Артём сел на край бетонного основания.

Ноги стали тяжёлыми.

Вокруг люди занимались тем, что требовалось сейчас: укрывали детей, искали воду, считали вышедших, вспоминали, кого видели в последнем проходе.

Никто не говорил о корабле.

Огонь в небе не был виден.

Артём посмотрел на свой рукав.

Белая нашивка потемнела с края.

Он не знал, чья это кровь.

Рядом остановился Тим.

Мальчик всё ещё держал одеяло, хотя его уже можно было кому-нибудь отдать. Длинные рукава закрывали кисти.

— Нина сказала, здесь ждать, — произнёс он.

— Здесь и подождём.

Артём подвинулся, освобождая место.

Тим сел не сразу.

Посмотрел на дверь, через которую выходили последние люди, потом на серый проход между домами.

— Кирилл тоже этой дорогой ушёл?

Артём покачал головой.

— Не знаю. Мы потом спросим.

Мальчик кивнул.

Некоторое время стоял молча.

Ветер шевелил край одеяла у него в руках.

— А того человека вы не позвали? — спросил Тим.

Артём поднял голову.

— Какого?

— Который возле лестницы стоял. Там, где мы вниз сворачивали.

Артём вспомнил галерею.

Лампу.

Пожилую женщину у ступеней.

Людей, прижимавшихся к стене, пока проносили носилки.

— Он не мог идти?

Тим посмотрел на него с недоумением.

— Не знаю. Он просто стоял. Высокий такой, в белой одежде.

У Артёма похолодели руки.

Мальчик обернулся к тёмному проёму.

— Почему он не пошёл вместе со всеми?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

Глава VII. Подземный город

Артём смотрел на Тима и не находил ответа.

Мальчик стоял возле бетонного основания и придерживал одеяло, которое ветер всё пытался вырвать у него из рук. Из тёмного проёма за его спиной выходили люди. Последней появилась женщина с пустой переноской; увидев Нину, она что-то быстро сказала ей и показала назад.

Обычные движения продолжались.

Кто-то споткнулся о порог.

Скрипнуло ведро.

Ребёнок попросил есть.

Артём чувствовал, что стоит среди всего этого слишком неподвижно.

— Ты раньше его видел? — спросил он наконец.

Тим подумал.

— Ты про сегодня или вообще? — уточнил Тим.

— Вообще. Может быть, встречал здесь, в убежище?

Мальчик покачал головой.

— Не помню. Из наших я бы узнал.

Артём опустился перед ним на одно колено.

Говорить так было легче: не приходилось смотреть сверху и замечать, как Тим изо всех сил старается понять, что ответил неправильно.

— Когда ты проходил мимо, он что-нибудь сказал?

— Нет. Я думал, с вами пришёл.

Артём посмотрел на выход.

Отсюда была видна только короткая площадка, дальше галерея поворачивала. Свет фонаря скользнул по стене и исчез.

— Если внизу остался человек, те, кто идёт последними, его увидят, — сказал Артём.
— Сейчас побудь с Ниной. Она тебя ищет.

Мальчик оглянулся.

Нина действительно смотрела в их сторону.

Тим подхватил сползавшее одеяло и пошёл к ней.

Артём поднялся.

В конце коридора учебного центра он видел светлую фигуру. В помещении, куда она будто бы ушла, никого не оказалось.

Теперь ребёнок рассказал о высоком человеке в белом возле лестницы.

Он не слышал прежнего разговора с Гориным.

Артём был почти уверен в этом.

Почти.

Он поймал себя на том, что ищет простую возможность ошибиться: кусок светлой ткани, чужое одеяло на плечах, больной, которого не заметили при осмотре. В тесноте и плохом свете высокими кажутся даже обычные люди.

Всё это было возможно.

Ни одно объяснение не успокаивало.

— Векшин.

Саша стоял у стены прачечной, прижав наушник к уху.

Артём подошёл.

— Горин?

Связист покачал головой.

— Штабной канал. Пока вызывают нашу группу. Капитан не отвечает, или до него не проходит.

Он поправил положение антенны.

Возле плеча тихо потрескивал динамик.

Артём наклонился ближе.

Из шума проступили слова:

— ...всем постам четвёртого сектора... вооружённое нападение на сотрудников военной полиции...

Саша уменьшил громкость.

Но Артём уже услышал.

Дальше назвали учебный центр.

Потом — группу гражданских, оказывавших сопротивление при проверке.

Голос говорил ровно, словно передавал сведения о повреждённой дороге.

— ...предположительно организовано военнотружущим инженерного подразделения. Векшин Артём...

Саша снял палец с регулятора.

Артём смотрел на маленькую решётку динамика.

Фамилия прозвучала непривычно.

Его фамилия, произнесённая человеком, который никогда его не видел.

— ...открыл огонь, тяжело ранил сотрудника полиции. При попытке пресечь нападение погиб военнотружущий группы сопровождения...

Голос продолжал.

Артём перестал различать слова.

Значит, Дёмин погиб при попытке остановить его.

Вот как это теперь выглядело.

Ни мужчины, бросившегося к ребёнку.

Ни первого выстрела.

Ни открытой ладони перед направленным оружием.

Саша выключил наружный звук.

— Я сохранил, — сказал он.

Артём не сразу понял.

— Что?

— Сообщение. Это тоже нужно сохранить.

Он говорил тихо.

На лице проступили пятна, будто связист недавно вышел из слишком тёплого помещения на холод.

— Передайте капитану, если получится, — сказал Артём. — И про человека у лестницы. Тим говорит, там кто-то остался.

Саша поднял глаза.

Артём не стал уточнять, в какой одежде был тот человек.

— Попробую, — ответил связист.

Из прачечной позвали.

Лера просила помочь перенести Илью.

Артём ещё раз посмотрел на приёмный блок и пошёл внутрь.

В помещении пахло пылью и мокрым деревом.

Часть окон заложили давно, под одним из оставшихся стояла старая гладильная рама. Носилки разместили на широком основании, подложив свёрнутые вещи, чтобы раненому было ровнее.

Лера сидела рядом.

Она уже сняла перчатки и проверяла повязку.

Илья лежал с закрытыми глазами. Девочка уснула на соседней лавке, свернувшись под слишком большим одеялом. Во сне она держала руку так, будто всё ещё сжимала пальцы отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.